

попаданец

Виктор Тюрин

ПРОФЕССИОНАЛ ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Виктор Иванович Тюрин
Профессионал.
Один в поле воин
Серия «Попаданец (АСТ)»
Серия «Профессионал», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69152467
Профессионал. Один в поле воин: роман / Виктор Тюрин:
ISBN 978-5-17-151539-3

Аннотация

Майклу Валентайну пришлось уехать из Америки. Вместе с четой Вильсонов он отправляется в Испанию, куда сенатора назначили советником. Случайно оказавшись замешанным в чужую игру, где ставкой является хранилище с нацистскими сокровищами, Майкл, в полном смысле этого выражения, пройдет по лезвию ножа. Ему придется схватиться с бывшими нацистами и испанскими анархистами, оказаться в зоне внимания английского резидента и КГБ СССР, но бывший оперативник знает, как использовать тот единственный шанс, который принесет победу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	67
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Виктор Тюрин

Профессионал.

Один в поле воин

© Виктор Тюрин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова

* * *

*Все основные персонажи данной книги
выдуманы автором. Все совпадения с реальными
лицами, местами, любыми происходившими ранее
событиями – не более чем случайность.*

Глава 1

В тот самый день, когда я вернулся в Лас-Вегас, порог кабинета ли Вонга переступил один из его доверенных людей, советник Тао Лан, мужчина сорока восьми лет, крепкого телосложения. Умный, хитрый, решительный. Когда надо, он был тверд и жесток в своих решениях, но при этом, если этого требовали обстоятельства, умел договариваться. Его ум, хладнокровие и умение просчитывать ходы противника дали ему возможность подняться и стать одним из советников Вонга. Лан был отправлен с сыном главы лос-анджелесской триады в Майами для того, чтобы окончательно решить чисто практические вопросы по транспортировке и связи между двумя бандитскими группировками. Вопрос о поставках был решен, цены оговорены, ничто не должно было помешать поставить окончательную точку в этом контракте, как случилось то, что не должно было случиться.

Непонятная, нелепая смерть Вэя Вонга и Микки Кинли, вместе с его людьми, уничтожила сделку, которая готовилась три месяца. Советник даже не помнил такого сильного удара, как этот, который нанесли их организации. До сих пор оставались без ответа два вопроса: Кто нанес предательский удар? Кому мстить? Ответа у него на эти вопросы не было, хотя он сделал все, что было в его силах, пытаясь найти врага. С чувством вины и скорби, которые переполняли его, Тао

Лан переступил порог кабинета и предстал перед ли Вонгом.

Старый китаец сидел в своем кресле за письменным столом, под черно-белой картиной, изображавшей двух сплетенных между собой драконов. Гибель сына до сих пор грызла его сердце, но ли Вонг ничем не выказал свою боль, демонстрируя посторонним свою железную волю и выдержку. Смерть среднего сына сильно ударила по старику, так как он прочил Вэя на свое место. Младший сын ли Вонга, по мнению старика, слишком проникся американским духом, все дальше уходя от традиций предков. Он неплохо показал себя в силовых акциях, но, если исходить из армейских терминов, выше звания капитана ему не прыгнуть, так как талантом полководца он явно не обладал. Он был смел и хладнокровен, вот только чтобы стать во главе триады, у него не хватало остроты ума, терпения и умения охватить проблему целиком.

Глава триады не мог не признать, как сильно его потряс этот двойной удар. Привыкший жить и мыслить интересами триады, он даже не сразу смог разделить свои чувства, в которых смешалась смерть его, плоть от плоти, сына и проверенного, опытного, нужного триаде человека, на которого он возлагал особые надежды как на наследника.

Минуты складывались в часы, а часы в дни, но они тянулись для него бесконечно долго, пока Тао там, в Майами, пытался выяснить, кто стоит за смертью его сына и американских гангстеров. Ему очень хотелось самому поехать в Май-

ами, чтобы разобраться в гибели своего сына, но он был главой триады, а значит, не мог поддаваться обычным человеческим эмоциям и чувствам. Он должен был показать, как врагам, так и союзникам, что он выше своего горя, что сила его духа и твердость характера не поколеблены. Он сделал исключение только для телефонных разговоров. Каждый вечер советник Тао звонил ему и докладывал, как ведется поиск их врагов, но его четкие и лаконичные доклады не внесли никакой ясности в гибель сына.

Тао, сделав несколько шагов по мягкому ковру, остановился в нескольких шагах от стола. Его глаза смотрели в пол. Советник был готов к любому приговору, даже к собственной смерти.

– Тао, ты был моими глазами и ушами в Майами. Ты был постоянно с моим сыном. Подними голову, посмотри мне в глаза и скажи: почему Вэй умер?!

Советник поднял голову. После двадцати лет полного и безоговорочного служения триаде ли Вонг являлся для Тао Лана чуть ли воплощением бога на земле. Он воспринял горе главы как свое собственное и был готов в любую минуту отдать за него жизнь, поэтому то, что ему не удалось найти убийц Вэя Вонга, он считал непростительной ошибкой, для которой нет никакого оправдания.

В его обязанности не входила охрана Вэя. Он должен был лишь подтвердить принятые ранее условия сделки, но даже в этом случае смерть сына главы триады ложилась позорным

пятном на его репутацию. К тому же его вина, так считал сам советник, усиливалась втрое, так как не только не отомстил за смерть, но даже не смог напасть на след убийц.

Он понимал, что сделал все возможное, что он приложил все усилия, чтобы узнать имя убийцы. Он льстил, унижался, подкупал полицейских и следователей, нанял двух частных сыщиков для дополнительного расследования, но так и не смог ничего узнать. Хуже всего, у него даже не было ни малейшего понимания, из-за чего могли убить Вэя. Единственными свидетелями, которые могли пролить свет на смерть сына главы триады, был Кинли со своими подручными, но добраться до них ему не удалось, они тоже оказались убиты. Была ли связь между смертью Вэя и гангстеров, полицейские не смогли сказать с какой-либо определенностью, кроме того, что все эти смерти произошли в течение суток. Единственное, в чем полиция была уверена, так это в том, что расправа с Кинли – работа парней большого босса Майами по кличке Маленький Оджи. Советник даже смог получить копии полицейских документов, в которых говорилось о вялотекущем противостоянии между гангстерским боссом и Кинли. Обдумав все это, советник пришел к выводу, что босс Майами каким-то образом узнал о сделке и решил убрать конкурентов. Сюда хорошо вписывалась и смерть трех главных подручных Микки Кинли, вот только способ убийства Вэя никак не вписывался в традиции американских гангстеров. Он говорил о неизвестном мастере ру-

копашного боя, который никак не мог работать на американцев.

Тао дважды разговаривал с Бао, шофером, который утверждал, что высадил сына Вонга живым возле гостиницы, при этом, как он утверждал, сначала дождался, когда тот войдет в отель, и только потом уехал.

Единственной странностью во всей этой истории была непонятная ситуация с подростком, которого сын главы лос-анджелесской триады зачем-то пригласил на встречу с американцами, но потом неожиданно выяснилось, что Вэй заманил мальчишку с целью его убить. Где пересеклись их дороги, советник не знал, но судя по показаниям шофера, подростка убили люди Кинли. Связывать смерть сына Вонга и мертвого мальчишки Тао не стал и решил, что все это дело рук мафии Майами, после чего ему оставалось вернуться в Лос-Анджелес, рассказать, что он узнал, и принять то, что для него приготовил глава Триады.

– Господин, согласно записи в полицейском отчете медэксперта, ваш сын умер из-за остановки сердца после нанесенного ему удара в грудь. Кроме этого, у него была сломана ключица и повреждено колено. Мне трудно судить, но, судя по всему, это была схватка двух сильных бойцов. Такой подготовкой обладают только охранники, приехавшие из Гонконга вместе с главой триады, господином Лао. Их трое. Каждую ночь один из них ночевал в номере господина Лао, а двое других утверждают, что в ту ночь не выходили из номе-

ра. К тому же за них ручается господин Лао. Единственное, что можно предположить, так это то, что смерть вашего сына связана с войною американских бандитов за господство в Майами, но странность заключается в том, что для того, чтобы убить вашего сына, они зачем-то нанимают сильного бойца кунг-фу. Американские гангстеры просто стреляют, но...

Резкий взмах руки хозяина кабинета заставил советника оборвать фразу. Ли Вонг не услышал ничего для себя нового, именно поэтому, не сумев сдержать в себе мгновенно нахлынувшей волны ярости, он невольно позволил себе этот жест, но уже спустя несколько секунд взял себя в руки. Прикрыв глаза, он попытался снова, уже в который раз, осмыслить то, что уже узнал, и то, что только что услышал от советника. Если все так, то можно предположить, что его сына убил нанятый мафией китаец, хорошо знающий кунг-фу. Вонг сам обучал своих сыновей этому смертоносному искусству, вот только последние годы они тренировались все реже и реже. Давал знать себя возраст, к тому же он слишком много работал, отдавая все свое свободное время на создание и укрепление организации, да и стычки с конкурентами решались не кулаками, а оружием. Хозяин кабинета снова мысленно перебрал возможных конкурентов, которые могли подослать наемного убийцу к его сыну, и в очередной раз не смог найти потенциального врага, который бы рискнул сделать подобный шаг. В последнем переделе территорий они никому не наступили на ногу, поэтому к ним не было пре-

тензий у лос-анджелесских гангстеров, а перед этим они вырезали под корень банду ублюдков Фаня, который попытался ему противостоять.

«Неужели кто-то из них остался? Нет. Нет! У них даже тогда не было мастеров рукопашного боя такого уровня. Я бы знал. Но кто тогда?!»

Старик открыл глаза:

– В тот день не было ничего странного или непонятного?

Тао задумался на секунду:

– Да все, как обычно. Днем мы сопровождали почтенного господина Лао на выставку драгоценных камней... Хотя нет! Было. На выставке ваш сын неожиданно поинтересовался у секретаря уважаемого Лао об ужине. Он спросил его: ужин в отеле «Эльдорадо» заказан на девять часов вечера? Это было неожиданно. Я тогда еще удивился...

– Вэй сказал это на китайском? – перебил его хозяин кабинета.

– Да, господин.

Старый китаец какое-то время думал, потом сказал:

– А ты не думал, советник, что мой сын сообщил кому-то, кто находился рядом, о месте встречи?

– Тогда почему он не сказал об этом мне? – логично возразил Тао Лан.

«Вот это и странно. Очень странно. Значит, Вэй не хотел, чтобы Тао сообщил об этом мне. Что это за неизвестный, о ком я не должен знать?! Получается, я его знаю. Только кто

он?»

– Вэй встречался тем вечером с Миком Кинли. Ты же знал об этом?

– Да, господин.

– Тогда почему тебя не было рядом с ним?

– О встрече с Кинли мне было известно, но не о времени. Вэй сказал, что сообщит об этом позже, а вместо этого просто взял и ушел, ни слова не говоря.

– И что? Он был на встрече совсем один?!

– Нет, господин. С ним был Бао. Китаец из местных жителей, помогает нам. Это он возил вашего сына на встречу и это с его слов мне известно, что там произошло. Тут действительно есть странность. Дело в том, что Вэй взял на встречу парнишку-американца, которого, как потом стало понятно, хотел убить, но исходя из слов Бао, эту работу за него сделали люди Кинли.

– Как его звали?! – вдруг неожиданно и резко прозвучал вопрос старого китайца, заставив советника удивиться.

– Мальчишку? Бао сказал, что его звали Майкл. Ему было лет пятнадцать-семнадцать.

«Майкл! Майкл Валентайн? Откуда? Почему сын хотел его убить?»

– Бао описал его?! Этого подростка?! – сейчас в голосе главы триады слышалось нетерпение.

Советник опять почувствовал свою вину, при этом он понимал, что просто не знал всей картины, которую сейчас ви-

дел ли Вонг.

– Я не узнавал о нем. Да и какая разница, если он уже труп.

– Ты глупец, Тао! Почему ты мне сразу не рассказал об этом мальчишке?!

«Да что это за проклятый мальчишка, сумевший так взволновать господина?!» – подумал советник, но вслух сказал другое:

– Господин, я не понимаю, при чем этот...

Его оправдания оборвали слова, как понял советник, это были произнесенные мысли вслух:

– Если это был Майкл Валентайн, то почти все в истории становится понятным.

Какое-то время царило молчание, глава триады думал. Старый китаец каким-то внутренним чутьем понял, что разгадка убийства его сына найдена. Он снова посмотрел на советника:

– Прямо сейчас позвонишь в Майами и узнаешь у шофера все подробности об этом подростке. Все! Внешность. Как говорит. О чем он говорил с моим сыном. Все! Ничего не упусти! Еще! Все, что он расскажет – обязательно запиши! Иди!

Тао Лан с некоторым удивлением посмотрел на ли Вонга. Давно он не видел своего господина в таком возбуждении.

«Кто такой этот Майкл Валентайн?»

Получив приказ, советник склонил голову и сказал:

– Будет исполнено, господин.

Хозяин кабинета, проводив взглядом Тао Лана, с легким недоумением задал сам себе вопрос вслух:

– Как могло так получиться?

Вот только на этот вопрос ответ мог дать один Майкл Валентайн.

«Мастер рукопашного боя... Да, это может быть он. Мой сын проиграл в схватке духу воина, заключенному в под-
ростке».

Загадка смерти сына была найдена, да и схватка была честной. В этом старый китаец не сомневался, осталось только узнать причину. Глава триады снова прокрутил в голове все факты, которые только что узнал, а затем попробовал их сложить в определенном порядке.

«Судя по всему, Вэй случайно увидел Майкла на выставке и таким странным способом предложил ему встретиться. Но зачем?! Чтобы его потом убить? Вот только у нас не было с этим мальчишкой никаких разногласий. Можно даже сказать, что мы сотрудничали, как говорят деловые американцы. Тогда в чем причина? – ли Вонг быстро пропустил через память все дела, так или иначе связанные с Майклом, и пришел к выводу, что только один эпизод мог повлиять на Вэя. – Нападение у частного аэропорта. Майкл тогда взял очень много денег. Вот только мы не оговаривали доли в этом деле, ведь он помог нам, а мы помогли ему. Неужели душа моего сына настолько пропиталась ядом наживы, что он позавидовал кушу, который сорвал Майкл?»

На какую-то секунду ему стало страшно. Неужели тлетворное влияние доллара вытравило из души его сыновей священные принципы триады? Они китайцы, где бы ни находились, должны жить согласно заветам предков. Неужели здешняя жизнь превращает их в подобие алчных и продажных американцев?

«Нет! Нет! И еще раз нет!»

Вот только отрицание было излишне эмоциональным, а это значит, он знал по себе, в нем было сомнение. Он не мог врать себе. Он это понимал и, что самое страшное, ничего не мог сделать.

– Майкл! – неожиданно окликнул меня странно знакомый голос, когда я шел через вестибюль отеля.

Быстро повернув голову, сразу увидел стоящую возле стойки стройную моложавую женщину и тут же мысленно воскликнул: «Неожиданно! Леди Вильсон, собственной персоной!»

Стоило мне ее узнать, как на моем лице, сама собой, появилась радостная улыбка, причем не искусственная, а самая настоящая. По моему мнению, она была сильной женщиной, меня еще тогда удивили ее стойкость и выдержка.

Наверно, поэтому с радостным криком: «Тетя Мария, я так рад тебя видеть!» – я быстро зашагал к ней. Она это почувствовала и улыбнулась в ответ. Стоило мне подойти к ней, как она сначала прижала меня к себе, потом отстранила

и стала жадно вглядываться в мое лицо.

– Майкл, мальчик мой, здравствуй. Прошло три месяца, а ты уже выглядишь настоящим мужчиной.

– Тетя Мария, здравствуйте! Ничего удивительного! Ведь мне уже исполнилось шестнадцать.

– Ты нас обидел, Майкл! Почему ты ничего не сказал про свой день рождения? Ведь мы твои друзья! Или это не так?

– Нет, что вы, тетя Мария! Конечно, мы хорошие друзья! Не сомневайтесь!

– Вот позвонил бы, тогда бы я с подарком приехала. Ну да ладно, это все поправимо. А что бы ты хотел получить на день рождения?

– Ничего мне не надо. У меня все есть.

– Так уж и все? – при этом жена сенатора хитро прищурилась.

«Похоже, леди неспроста приехала».

– Я человек самостоятельный и практичный, тетя Мария, поэтому ни о чем лишнем не мечтаю.

– Мне нравится, как ты меня называешь, Майкл. Очень нравится. Еще мне нравится, когда ты говоришь, как подросток, а не как взрослый человек. Всему свое время, мальчик. У любого человека должно быть детство и юность, чтобы было что вспомнить. Милые, простые глупости, мечты, обиды и радости. Об этом приятно вспоминать спустя годы, а вот разочарования и горести взрослой жизни слишком тяжелым грузом ложатся на душу человека, – глаза женщины напол-

нились слезами.

Мы стояли у всех на виду, в перекрестье любопытных взглядов. Меня здесь знали многие, поэтому на нас гладели не только проходящие мимо туристы, но и персонал отеля. Не зная, что сказать в утешение, я пошел простым путем, взял ее за руку и тихо сказал:

– Пожалуйста, тетя Мария, не надо. На вас смотрят.

То ли мои слова, то ли она сама сумела взять себя в руки, но леди Вильсон смогла справиться со своими эмоциями. Она слегка провела кружевным платочком по глазам и даже чуть скривила губы в попытке улыбнуться.

– Извини, Майкл. Просто ты так похож... Вот я и не сдержалась. Все уже прошло.

– Вы лучше расскажите: как ваши дела?

– Хорошо, насколько это возможно при нашем положении. Генри легче переносит горе, он весь в работе, а я... – женщина тяжело вздохнула. – Все, Майкл. Обещаю, больше мы не будем об этом никогда говорить. Хорошо?

– Хорошо, тетя Мария.

– Как ты сам? Ни разу не позвонил нам. Я порывалась сделать это, но каждый раз Генри меня останавливал.

– Мне тоже хотелось вам позвонить, но меня, вы уж извините, останавливала мысль о вашем горе. Я плохо умею утешать.

– Вот опять заговорил, как взрослый человек, а ты ведь подросток. Откуда у тебя... Впрочем, знаю. Ты же предо-

ставлен сам себе. Все сам решаешь. Думаешь. Делаешь. Так?

– Тетя Мария, вы мне особенно нравитесь тем, что все с ходу понимаете, – этими словами я вызвал бледную улыбку на ее губах. – Почему вы предварительно не позвонили? Вы одна приехали? А где дядя Генри?

– Сколько вопросов сразу! Отвечаю по порядку. Мы решили сделать тебе сюрприз, а муж обещал, что приедет через пару дней. У него дела, дела и еще раз дела. Послушай, на нас почему-то слишком много людей внимание обращают. Ты не заметил?

– Заметил, только ничего удивительного не вижу. Меня ведь тут все знают, весь персонал отеля и даже некоторые постояльцы. Сейчас они все дружно гадают: кто приехал к Майку? А стоит нам уйти, сразу начнут сплетничать.

– Понятно, – миссис Вильсон чуть-чуть усмехнулась. – Тогда, может, пойдем в более спокойное место, или ты куда-нибудь торопишься?

– Нет. Никуда. Я иду с тренировки. Схожу в душ, после чего свободен, как ветер. У меня сразу есть предложение. Вы сейчас идете в бар, а я быстро заскочу в свой номер, приведу себя в порядок...

– Принимается! – перебила меня жена сенатора. – Иди и не торопись. Я ведь только приехала и толком даже не осмотрелась.

– Как вам наш отель? – сразу поинтересовался я.

Мне действительно было интересно ее мнение. Она мно-

го ездила, а при ее положении останавливалась отнюдь не в дешевых мотелях.

– Я всего пару часов как приехала, но первое впечатление пока хорошее. Кондиционеры. Телевизоры. Когда попробую местную кухню, тогда уже скажу окончательно.

– Где вас поселили, тетя Мария?

– Двухкомнатный люкс. Кстати, bellboy, который принес мой багаж в номер, сказал, что на этом этаже живет мальчик в таком же номере.

– Джонсон так и сказал: мальчик? Ну все, теперь я ему точно в глаз дам.

– Майкл, а кто-то пытался мне недавно доказать, что он серьезный мужчина. Или это был не ты?

– Ладно, пусть живет. Так я побегу?

– Иди-иди, я найду чем занять себя.

Чтобы привести себя в порядок, мне хватило двадцати минут. Выйдя из своего номера, я спустился на лифте вниз и прямиком направился в казино, наталкиваясь на любопытные взгляды персонала отеля. Всем было интересно: что за тетка приехала к Майклу?

Пройдя зал игровых автоматов, наткнулся на одного из наших охранников, который со скучающим видом стоял, опершись на «однорукого бандита».

– Привет, Горди. Где мне Макса найти?

– Привет. Посмотри в комнате охраны. Только он сейчас очень злой, – предупредил меня Гордон Флеш, бывший

полузащитник студенческой футбольной команды, родом из Иллинойса.

– Что случилось?

– Да клиент с придурью попался. Его ребята попросили выйти на свежий воздух, так он руками стал размахивать. Да что тебе говорить, ты и сам прекрасно все знаешь.

Я кивнул головой, соглашаясь с его словами, и направился к комнате охраны. Только открыл дверь, как сразу услышал резкий и злой голос Ругера:

– Запомните раз и навсегда! Это наш клиент! Второй раз он может не прийти. Это понятно?! Значит, вы должны с ним обращаться предельно вежливо! О том, что случилось, мне известно из доклада начальника смены, поэтому ругать вас не вижу смысла. Считаю, что тут не правы все. И вы, и клиент. Именно поэтому я сейчас обойдусь замечанием, но при этом запомните: еще раз подобное повторится – лишитесь недельного жалованья! Можете идти!

– Привет, парни! – поздоровался я с проштрафившимися охранниками, которые сейчас торопливо выбегали из кабинета.

– Привет, Майкл. Привет! – не останавливаясь, вразнобой поздоровались со мной парни, стараясь побыстрее убраться с глаз разозленного начальства.

– Привет, Макс, – поздоровался я с «дядей». – Парни что, клиенту по шее дали?

– Привет. Да ерунда полная. Пьяный дурак принялся кри-

чать, что его здесь обжуливают, а когда его попросили выйти, стал руками махать.

– Тогда чего ругал парней?

– Начальство время от времени должно ругать подчиненных, чтобы те не расслаблялись. Лучше скажи, чего пришел? Или опять собрался куда-то ехать?

– Леди Вильсон приехала.

– Погоди! Жена сенатора?! – Я кивнул головой. – А сам сенатор?

– Будет через пару дней.

– Хм, – задумался Макс, потом посмотрел на меня. – Как-то неожиданно. Они тебе звонили?

– Нет. И сразу говорю: я не в курсе, зачем приехала леди Вильсон. У тебя есть полчаса?

– Пошли, – Макс встал и вышел из-за стола.

Стоило нам войти в бар, как мы увидели, что Мария о чем-то оживленно говорит с барменом, но стоило ему нас увидеть, как тот сразу замолк и стал усиленно натирать стаканы. Мы подошли к стойке.

– Тетя Мария, познакомьтесь. Это мой дядя, Макс Ругер.

– Мне очень приятно видеть вас, мистер Ругер, – сказала ровным и сухим голосом леди Вильсон, при этом внимательно разглядывая крепкую фигуру начальника безопасности. – Я вас таким и представляла. Мощное сложение. Цепкий и настороженный взгляд. Впрочем, как еще может выглядеть бывший полицейский и частный детектив?

Ругер уловил нотку язвительности в голосе жены сенатора и не замедлил добавить сарказма в свой ответ.

– Мое почтение, леди Вильсон. Вы не представляете, как мне лестно удостоиться вашего столь пристального внимания. Приехали на отдых?

– Не совсем так, – она на секунду замялась. – Вообще-то... я приехала поговорить о будущем одного молодого человека.

Макс усмехнулся:

– Тут все просто. Вам надо просто поговорить с ним самим.

Ругер вновь удостоился взгляда, из которого можно было понять, что он как личность потерял еще пару баллов по шкале леди Вильсон.

– Вы разве не его опекун, мистер Ругер?

– Формально так оно и есть, но решать ему. Он знает, что ему надо.

– Вы считаете это правильным? Шестнадцать лет – есть шестнадцать лет. Подростковый максимализм...

– Извините, что перебиваю ваш разговор, – я быстро окинул обоих взрослых взглядом, в котором сквозила насмешка. – Вы оба сейчас говорите обо мне?

– Да, Майкл. О тебе. Я ничуть не сомневаюсь в твоём здравом смысле, но есть решения, которые должны принимать взрослые люди, – отчеканила «тетя Мария».

Меня так и подмывало сказать ей что-нибудь язвительное,

но я сдержался, так как мою роль подростка никто не отмечал.

– Тетя Мария, вы хотели что-то предложить? Как интересно! Да, дядя Макс? – начал я играть роль подростка. – Говорите прямо сейчас!

Если бы здесь был другой человек, а не жена сенатора, Ругер бы улыбался во весь рот, но сейчас он постарался скрыть усмешку, которую мне не составило труда заметить. Миссис Вильсон что-то почувствовала, наверно, поэтому она внимательно посмотрела сначала на меня, потом на Ругера и только тогда ответила:

– Мы с Генри решили уехать на какое-то время в Европу. Нашему решению предшествовало предложение президента моему мужу поехать советником в Испанию. По пути туда мы посетим несколько стран, в том числе советскую Россию. Увидеть мир, путешествовать, разве не этого ты хотел, Майкл?

Предложение оказалось неожиданным... и при этом очень заманчивым. Проехаться по странам Европы, посмотреть сталинскую Россию, пожить какое-то время в Испании. Все это здорово, за исключением одной вещи: жизнь в чужой семье. Здесь я только изображаю подростка, а там мне придется выступать на сцене в главной роли. Моментально прокрутив плюсы и минусы в своей голове, я решил отказаться от столь заманчивого предложения. Жить по чужим правилам – это не мое! Несмотря на уже принятое решение, я, как и

положено, эмоционально отреагировал, изобразив на лице восторг:

– Здорово! Путешествовать по миру – моя мечта! Где вы собираетесь побывать?

Мария Вильсон, видно, приняла мое довольное выражение лица за согласие, потому что на ее лице тоже появилась бледная улыбка. Макс бросил на меня удивленный взгляд, как видно, он ожидал от меня другой реакции.

– Из Нью-Йорка полетим самолетом до Стокгольма. Остановимся в столице Швеции на несколько дней, а затем полетим в Хельсинки, а уже из столицы Финляндии в Советский Союз. Там побываем в двух городах. В Ленинграде и Москве. Сколько времени мы там пробудем, напрямую будет зависеть от дел моего мужа. Как дальше сложится наш маршрут, тоже пока не могу сказать. Думаю, что потом поедем во Францию, а только потом в Испанию. Съездим, я думаю, но позже, в Португалию. Как тебе, Майкл?

Ей очень хотелось заинтересовать меня, переманить на свою сторону.

– Здорово! Столько стран увидеть! Почти кругосветное путешествие получается! Как у Жюль Верна!

– А когда вы собираетесь вернуться обратно, леди Вильсон? – неожиданно поинтересовался Ругер.

Женщина замялась на мгновение, но при этом ответила четко и более резко, чем надо:

– Через два, максимум три года.

Теперь мы удивились уже на пару с Максом. Наверно, и мысли у нас сейчас с ним были одинаковые: что такое случилось с сенатором, если он уезжает так надолго?

– Дядя Генри послом едет? – неожиданно вырвалось у меня.

– Нет, Майкл. Советником. Больше я пока ничего не знаю.

– Это серьезно. Тут надо все как следует обдумать, – задумчиво протянул Макс, глядя на меня. – Сколько вы рассчитываете у нас побыть, госпожа Вильсон?

– Неделю.

– Вот и хорошо. Значит, мы с вами еще и не раз и не два встретимся, а пока Майкл вам все тут покажет. Извините, но сейчас мне нужно возвращаться к работе.

– Иди, дядя Макс. Мы найдем, чем заняться, – проводив взглядом Ругера, я повернулся к стойке. – Джимми, где твои фирменные фруктовые коктейли?!

– Пару минут, Майкл. Тебе бутерброды, как обычно?

При этом я вопросительно посмотрел на леди Вильсон.

Та слегка улыбнулась и покачала головой:

– Мне не надо. Как все женщины, я время от времени сижу на диете. Сейчас у меня как раз такой период.

– Как обычно, – подтвердил я заказ, затем повернулся к жене сенатора. – Тетя Мария, а что вас здесь интересует?

– Интересно? – она удивленно посмотрела на меня, а потом поняла, что я хотел сказать. – Да, собственно, ничего. Все эти сомнительные удовольствия, ради которых сю-

да едут, мне неинтересны. Поплаваю в бассейне, попробую местную кухню, схожу пару раз на концерты. Это все.

– Понятно. Как насчет экскурсии по городу?

– Обязательно поедем. Мне же надо иметь хоть какое-то представление о прославленном городе грехов, – в ее голосе чувствовалась откровенная издевка.

Пока я ел, мы молчали. Доев второй бутерброд и допив фруктовый коктейль, я поблагодарил бармена:

– Джимми, было все вкусно. Спасибо. Запишешь на Макса. Пока.

Не успели мы выйти из бара и окунуться в гостиничную сутолоку, как женщина неожиданно меня спросила:

– Скажи, Майкл, а тебе нравится здесь жить?

Я покачал головой:

– Не особенно. Слишком шумно.

Мария кивнула головой, соглашаясь то ли со мной, то ли со своими мыслями, и почти сразу последовал новый вопрос:

– Может, расскажешь: как ты тут живешь?

– Полноценные тренировки по несколько часов в день. Бокс и стрельба. Самостоятельные занятия по школьным предметам. Иногда помогаю дяде по работе.

Хотя это была полуправда, но при этом она была подкреплена настолько уверенным тоном, что не давала повода усомниться в моей искренности. Жена сенатора одобрительно качнула головой.

– Спорт и занятия – это хорошо. А компания у тебя есть?

— Есть несколько приятелей, но мне с ними скучно, — уже нагло соврал я, так как со своими сверстниками совсем не общался. — Так, иногда время вместе проводим.

Судя по ее довольному виду, мои ответы ее удовлетворили. Мы остановились недалеко от стойки с двумя портье, которые работали с гостями отеля, при этом успевали бросать на нас любопытные взгляды.

— Хорошо, Майкл. Сейчас я поднимусь к себе, а вечером, если ты не против, мы с тобой увидимся. Как насчет восьми часов вечера?

— Лучше в девять. Совместим ужин и концертную программу, если вы не против.

— Не против, — леди Вильсон чуть улыбнулась. — Я уже и не припомню того времени, когда ужинала с другим мужчиной.

Был обычный развлекательный концерт, который должен был скрасить вечер гостей отеля. Начали выступление комики, потом вышел фокусник, за ним два брата отбили чечетку, потом пела певица, а в завершение — танцы под модный джазовый оркестр. Такими сборными концертами отели заполняли время между приездами звезд эстрады. Артисты второго плана не делали больших сборов, как звезды, но при этом в меру развлекали публику, что являлось главным требованием для таких выступлений, к тому же, в отличие от избалованных знаменитостей, они довольствовались стандартными расценками и не предъявляли особых требований по разме-

щению и питанию. Конечно, можно было ограничиться подобными выступлениями, вот только имена популярных артистов, выступающих на нашей сцене, давали такую рекламу нашему отелю, что нас просто заваливали заказами на три месяца вперед, не говоря уже о большой прибыли.

Не успели мы сесть за столик, как появилась Ева Нельсон, которой уже успел позвонить Ругер. Подруга Макса после поездки в Майами стала очень настороженно ко мне относиться. Мальчик-миллионер стал для нее загадкой, терзающей ее любопытство, но при этом пугал ее до мурашек по коже. Судя по отношению, которое у нас установилось после этой поездки, Ева решила держаться от меня как можно дальше.

Я познакомил женщин, тем самым сдержав слово перед подругой Макса, которой в свое время пообещал, что при первой возможности познакомлю ее с четой Вильсонов. Усевшись, Ева извинилась за Ругера, который был занят по работе и обещал подойти позже. Общий разговор начался с оценки ужина и концертной программы, затем переключился на моду и местные нравы. К моему некоторому удивлению, женщины быстро нашли общий язык, несмотря на разницу их положения в обществе. Стоило Еве узнать о путешествии в Европу, как она призналась, что с детства мечтала попасть в Италию. Она рассказала, что даже начала учить итальянский язык, но потом бросила. Вслед за ней меня удивила Мария Вильсон, когда рассказала, что начинала свою

карьеру дипломатом и работала в Англии и Испании, а стоило разговору зайти о ее причине приезда в Лас-Вегас, как Ева стала восхищаться такой возможностью посмотреть мир. Ее восторги были мне понятны. Подросток-загадка, у которого при этом были совершенно непонятные доверительно-деловые отношения с Максом, ее пугал, злил и раздражал. Даже те большие деньги, полученные ею при сделке с бриллиантом, ничуть не уменьшили ее антипатии. Вот и теперь, стоило ей услышать, что появилась возможность от меня избавиться, Ева, хоть и старалась не показывать вида, но при этом явно обрадовалась.

Появившийся к концу концерта Макс с ходу включился в разговор, рассмешив женщин парочкой смешных историй. Напряжение, возникшее утром между леди Вильсон и Ругером, себя никак не проявило, оба вели себя так, словно между ними ничего не было. Когда вечер закончился, Макс и Ева уехали, а мы с миссис Вильсон еще посидели у бассейна, разговаривая, а потом разошлись по своим номерам.

За следующие пару дней мы немного с ней общались. Съездили с ней на экскурсию по Лас-Вегасу, потом сходили на чемпионат по боксу для любителей, причем она пошла только потому, что там выступал я. В моей весовой категории у меня было четыре противника, трех из которых я послал в нокаут. Нетрудно было заметить, что леди Вильсон переживала и радовалась за меня от всей души.

– Майкл, ты был как молния! Раз – и твой противник ле-

жит! Только все равно я считаю, что это очень жестокий вид спорта. Одному мужчине ты рассек бровь, другого, в зеленых трусах, так вообще на руках унесли с ринга. Ты же понимаешь, что может найтись более сильный соперник, который тебя побьет. И что тогда?

– Бокс закаляет волю и укрепляет характер, тетя Мария, так что не надо за меня переживать. Как говорит Макс, жизнь полна трудностей, поэтому их надо уже сейчас учиться преодолевать.

– В твоём возрасте надо учиться создавать основу для своего будущего, а не преодолевать мифические трудности! – вдруг громко и сердито произнесла женщина.

Время от времени я выдавал свои мысли за высказывания Макса, что вывело женщину из себя, хотя все это время она старалась вести себя максимально сдержанно. Я с удивлением посмотрел на нее. Мария уже взяла себя в руки и теперь виновато смотрела на меня.

– Мне просто очень хочется, Майкл, чтобы у тебя в жизни все было хорошо, – попыталась она оправдать свою резкость.

– Я тоже этого хочу.

Больше мы на эту тему не разговаривали. Ближе к вечеру приехала Ева. Она забрала госпожу Вильсон на новую экскурсию, но теперь уже по магазинам Лас-Вегаса. На следующий день мы должны были ехать на аэродром встречать сенатора, но вместо этого тот вечером позвонил жене в отель и сказал, что не сможет приехать из-за дел. За ним последовал

второй звонок, и теперь я уже говорил с ним по телефону.

— Рад вас слышать, дядя Генри! Здравствуйте!

— Привет, парень! Как ты там живешь?

— У меня все хорошо, тетя Мария может подтвердить, — ответил я, отыгрывая роль подростка.

— Жена сказала мне, что тебе уже стукнуло шестнадцать. Почему ты нам не позвонил?

— Не хотел беспокоить, а вы оба люди занятые.

— Это неправильно, Майкл! Или мы больше не друзья? — в голосе сенатора чувствовалась обида.

— Друзья, дядя Генри! Обещаю, что исправлюсь и приглашу вас обоих на свой следующий день рождения.

— Вот это правильно. Теперь о поездке в Европу. Ты что-то решил?

— Не знаю, дядя Генри. Мне очень хочется поехать, посмотреть мир... Но тут Макс... и моя жизнь. Если честно, то пока ничего не могу сказать. Вы точно не приедете?

— Извини, парень, но дела заставляют меня безвылазно сидеть в Вашингтоне. Только вчера я дал окончательное согласие на новую работу, поэтому мне понадобится все мое время, чтобы закончить со старыми делами, так что, как ты понимаешь, у меня на счету каждый день. Насчет большого путешествия еще раз подумай, а теперь извини, мне надо идти. И еще. Майкл, я буду очень рад снова увидеть тебя. До свидания.

— До свидания, дядя Генри.

Глава 2

За годы своей работы за рубежом мне приходилось иметь дело не только с китайцами, но также с корейцами и вьетнамцами. Сталкиваясь с представителями всех этих народов, пришлось изучить их традиции, тонкости общения и выражения чувств. Именно поэтому, придя на очередную тренировку в тир, я сразу заметил, что уборщика-корейца заменил китаец. Для обычного посетителя они были на одно лицо, да и мало ли что бывает, заболел человек или сменил работу, но в этом случае корейца сменил бы его земляк, но никак не китаец. Его появление стало поводом, чтобы на ум пришел ли Вонг, который, как я прекрасно знал, не оставит безнаказанно смерть своего сына. У меня была надежда, что триада не сможет связать мальчишку-американца со смертью китайца в его номере. Единственный след мог дать шофер-китаец, который привез нас тогда на место встречи, но из того, что он видел, он должен был быть уверен в моей смерти. Если глубоко не копать, то гибель Вэя в гостинице и то, что случилось в карьере, объединить весьма сложно, тем более что прямых свидетелей не осталось, вот только старик, с его вьедливым и острым умом, вполне может выстроить логическую цепочку, если ему доложат о пятнадцатилетнем подростке.

«Так оборвалась ниточка или нет? Или Вонг сумел найти

и связать оборванные концы? Если так, то этот уборщик – первый тревожный сигнал, говорящий о том, что старик нашел меня. Насколько я его знаю, он захочет получить меня живым, для того чтобы узнать, что произошло на самом деле, как и получить удовлетворение от моей смерти. Если все так обстоит, то, как долго китайцы знают обо мне? Триады как организации в Лас-Вегасе нет, значит, сейчас здесь только информаторы. Если у меня не паранойя, то они только-только начали отслеживать меня. Старик опытный, осторожный и хитрый хищник, который видит во мне достойного соперника, но и он толком не знает, что я собой представляю. При этом он должен понимать, что у него только одна попытка, а о последствиях неудачи ему придется сильно пожалеть. Пришлет пару соглядатаев, которые определяют место, где я более всего уязвим, а затем приедут боевики. Для основной операции Вонг отберет человека четыре, которым объяснит, что я опасен, а значит, надо действовать с особой осторожностью. В общих чертах это все. Осталось только все это проверить».

Закончив стрельбу, я немного поболтал со служащим тира, который отвечал за техническое состояние оружия, при этом вскользь поинтересовался новым уборщиком, который в этот самый момент подметал пол:

– Куда прежнего старичка дели?

– Старикашка Дэ Хюн частенько болел, но тогда его заменяли внуки. Теперь появился... Имя никак не запомню. Кстати, ты первый заметил, что у нас новый уборщик.

Узнав, что хотел, перевел разговор на новую модель пистолета, потом мы немного поспорили, после чего я ушел.

Резкая смена уборщика подстегнула мою подозрительность, но внешне ничего не изменилось в моем поведении, все так же я менял маршруты, маскируя их под прогулки. Азиатов в Лас-Вегасе было немного, поэтому я был уверен, что рано или поздно вычислю «хвост», вот только слежки не было. Отсюда можно было сделать вывод, что триада вычислила мои базовые маршруты и теперь за мной просто наблюдают из-за витрины китайского ресторанчика или из окна прачечной.

«Может, и нет ничего? Впрочем, есть способ проверить».

Проверку я решил устроить, зайдя в китайскую забегаловку, которая находилась совсем недалеко от спортивного клуба. Мне приходилось бывать там пару раз, поэтому было известно, что через окно столовой хорошо просматривался отрезок пути до самого входа в боксерский клуб. Если все так, то я там наткнулся на наблюдателя, хотя есть вероятность, что эту роль исполняет кто-то из персонала ресторанчика. Так как фактора неожиданности никто не отменял и тогда есть неплохой шанс, что тот, кому поручено следить, выдаст себя. Подойдя дворами к китайскому ресторанчику, я резко и неожиданно зашел в дверь. Бинго! За дальним столиком, рядом с дверью, ведущей на кухню, сидели и пили пиво два крепких китайца. Я сразу оценил место, которое они выбрали: с улицы их не увидеть, так как столик стоит не прямо у

окна, зато они могли легко отслеживать идущих людей. Кроме них в помещении сидело трое молодых парней, судя по виду, студенты. Перед ними стояли миски с лапшой, политой соусом, блюдо с жареными куриными крылышками и пиво. Устроившись за столиком у стеклянной витрины, они, видно, только что увидели для себя смешное и теперь, глядя на улицу, тыкая пальцами в стекло, весело ржали во весь голос. Если они не обратили на меня ни малейшего внимания, продолжая смеяться, зато китайцы явно напряглись. Нет, внешне ничего не изменилось в их поведении, но умение замечать мельчайшие детали и проводить анализ поведения у меня никуда не делось. Китаец, сидевший лицом к входу, не изменился в лице, но при этом слишком резко поднес к губам стакан. Им он пытался замаскировать движение губ, какую-то короткую фразу, обращенную к своему приятелю, сидевшему спиной ко мне. Его напарник ничего не сказал, но было видно, как напряглись его плечи. Я напрягся не меньше, при этом тоже сделал вид, что все хорошо, после чего сказал подошедшей ко мне китаянке:

– Привет! Вода есть?

– Здравствуйте. Есть все. Вода. Сок. Пиво. Холодный чай, – это было сказано на ломаном, но вполне понятном английском языке.

– Дайте мне попить прямо сейчас воды, а с собой – маленькую бутылочку холодного чая.

– Десять центов.

Я согласно кивнул головой.

– Сядьте, пожалуйста. Сейчас принесу.

Получив заказ, я в три жадных глотка выпил воду, затем сунул в сумку купленную бутылочку холодного чая, после чего вышел на улицу и неторопливо зашагал в сторону спортзала, прокручивая в голове возможные версии развития событий, пока не остановился на двух наиболее вероятных вариантах. Более вероятный, что меня похищают и вывозят в Лос-Анджелес, а второй – Вонг приедет сюда сам. Сомнений в том, что старик знает, кто убил его сына, больше не было. Вступать в схватку с триадой, это то же самое, что идти с противопехотной гранатой против трех вражеских танков. Можно, конечно, убрать ли Вонга, вот только какие будут последствия? Да и время теперь работало против меня. Если китайцы что-то заподозрили, то могут позвонить Вонгу...

«Стоп. Позвонить. Точно. Действительно, мне надо ему позвонить и как можно скорее».

После тренировки я остановился возле свободной телефонной будки, зашел и набрал номер, который в свое время мне дал глава лос-анджелесской триады. Этим звонком я пытался убить двух зайцев: узнать, на месте ли старик, а заодно попробовать договориться с ним о том, что его месть будет касаться только меня. Если тот попробует мстить кому-либо из близких мне людей, пусть знает, что ни он, ни его младший сын бессмертием не обладают.

– Пожалуйста, говорите, – раздался в трубке после соеди-

нения женский голос.

– Мне нужно поговорить с уважаемым ли Вонгом, – сказал я по-китайски поднявшей трубку женщине.

– Кто хочет с ним говорить?

– Не важно. Просто скажите, что это касается его сына.

– Ждите.

Спустя несколько минут в трубке раздался голос старого китайца:

– Я слушаю.

– Многих вам лет жизни, уважаемый господин Вонг, – вежливо поздоровался я со старым китайцем.

Он говорил по-китайски, и я ему ответил на его родном языке.

– Майкл. Я так и думал, – узнав меня, его голос не дрогнул, при этом был холоден и резок, как сильный порыв зимнего ветра. – Ты убил моего сына.

– Он не оставил мне выбора, уважаемый господин Вонг. Единственное, что можно добавить к моим словам: наша схватка была честной.

Я знал, что именно это он хотел от меня услышать. Еще ему хотелось узнать причину того, что случилось, но проявлять любопытство значит «потерять лицо».

– Ты убил моего сына, поэтому умрешь сам. Медленно умрешь.

– Мне очень жаль, что так получилось, но я звоню не для того, чтобы оправдаться или вымолить свою жизнь. Совсем

нет. Что сделано, то сделано. Уважаемый господин Вонг, я уезжаю из этой страны далеко и надолго, если не навсегда. При этом мне очень хотелось бы надеяться, что ваши чувства не заглушат голос разума.

У старика, несмотря на возраст, был острый ум, и он должен был понять, что я звоню для того, чтобы сказать: его месть касается только меня и никого больше.

– Ты и только ты виновник гибели моего сына, поэтому твоя смерть будет страшной. Знай, в какую бы нору ты ни забился, от меня тебе никак спрятаться, – в его голосе не чувствовалось отголосков ненависти или скрытой злобы.

Он понял меня, а главное, принял мои условия. Наверно, он все еще продолжал считать, что во мне живет дух воина. Как бы то ни было, я получил, что хотел.

– Спасибо, уважаемый господин Вонг. Я был уверен, что мы поймем друг друга. Еще раз повторю: мне очень жаль, что так получилось.

Несколько секунд тишины, а затем на том конце провода раздался щелчок. Я, в свою очередь, повесил трубку и вышел из будки. Мне действительно было жаль, только не сына Вонга, который оказался завистливым глупцом, а тех потерянных возможностей, которые мне могла дать китайская триада. Связи, информация, оружие. Все это я потерял из-за нелепых амбиций одного придурковатого китайца. На меня вдруг неожиданно нахлынула злость.

– Вэй, ты мудака. Полный мудака.

После этих негромко, но с чувством, сказанных вслух слов я неторопливо зашагал по улице.

«Правильно, что сразу не отказался от поездки. Только для этого мне нужно дожить до отъезда».

Следующие два дня я носился по городу так, что по вечерам напоминал загнанную лошадь. Говорил по телефону, готовил документы, консультировался с юристами, дважды посетил нотариуса, потом обрадовал леди Вильсон своим согласием на поездку в Европу. Провожать ее не стал, чтобы не привлекать излишнего внимания возможных наблюдателей, объяснив это тем, что у меня свидание с девушкой. Леди Вильсон при этих словах многозначительно улыбнулась, а затем спросила:

– Когда тебя ждать, Майкл?

– Через два-три дня, тетя Мария.

– Ты все правильно решил, мой мальчик. Мы будем ждать тебя.

Вечером того же дня у меня в номере состоялся разговор с Максом. Впустив его, я тщательно запер дверь.

– Что на этот раз случилось? – спросил меня Ругер, садясь в кресло.

– Ничего особенного, – ответил я, сев напротив него. – Дело в том, что в Майами мне пришлось убить Вэя, сына Вонга, а теперь, когда старик узнал, что это моих рук дело, он решил поквитаться со мной.

Услышав мои слова, Макс сразу напрягся, ведь то, что я

только что сказал, означало начало новой, кровавой и беспощадной войны. Взгляд стал жестким и злым, а пальцы сжались в кулаки. Ему, наверно, сейчас очень хотелось врезать мне в челюсть, а потом еще добавить ногами по ребрам, но бывший детектив сумел перебороть гнев, взяв себя в руки. Еще, наверно, на него подействовал мой спокойный вид и тон, которым я преподнес ему эту новость.

– Ты что, именно за этим ездил в Майами? – сейчас в его голосе звучал едкий сарказм.

– Извиняться и объяснять ничего не буду, скажу только одно: Вэй сам стал причиной своей смерти. Да, я знаю, что ты беспокоишься за подругу, поэтому скажу сразу: я говорил со стариком по телефону. Он понял все правильно, и теперь его месть касается только меня. Больше никого.

После моих слов лицо Макса разгладилось, а сам он заметно расслабился. Его можно было понять: жизнь только-только начала налаживаться, да еще Ева.

– Где у тебя виски?

Я достал из бара виски, налил половину стакана, а затем подал ему, а бутылку поставил рядом с ним. Он прикончил алкоголь в два глотка, потом спросил:

– Что конкретно тебе сказал Вонг?

Почти дословно я процитировал слова старого китайца, а затем добавил:

– Ты знаешь старика больше моего. Ему можно верить в таких делах?

Бывший детектив какое-то время молчал, потом сказал:

– Прямо так не скажу, но думаю, что в этом случае ему можно поверить. Старик Вонг человек старой закалки, поэтому не рискнет обманывать духа воина.

– Надеюсь, что так и будет.

– Так и не скажешь, с чего ты сцепился с Вэем? – поинтересовался бывший детектив.

– Тебе это надо? – ответил я вопросом на вопрос.

Макс громко хмыкнул, потом налил себе треть стакана, выпил, после чего сказал:

– Значит, уезжаешь.

– Уезжаю. Предупреди Еву, чтобы не сболтнула ничего лишнего.

– Мог бы и не говорить. Когда едешь?

– Сегодня ночью.

– Парней не нужно? Пусть проводят, и мне спокойнее будет. Хотя нет, лучше я сам...

– Забудь! – оборвал я его. – С этой минуты я сам по себе, ты сам по себе.

– Нет, Майкл. Если понадобится, я всегда...

– Не понадобится. У меня все под контролем. Ты же знаешь, что все свои вопросы я сам решаю.

– Знаю. Еще знаю, как ты их решаешь. Скажи честно: сколько ты трупов в Майами оставил?

– Пять, – честно ответил ему я. – Это если с Вэем считать.

Макс не ожидал прямого ответа и сейчас пытался понять,

что это было: шутка или правда. Когда понял, то ли по глазам, то ли выражению лица, что сказанное мною правда, тяжело вздохнул и сказал:

– Знаешь, это даже хорошо, что ты уезжаешь. Из-за тебя я постоянно в напряжении, так как не знаю, что ты выкинешь в следующий момент.

– А я-то думал, что мы друзья, – с деланой обидой протянул я.

– Не придуривайся, Майкл. Я так понимаю, ты меня позвал не за этим, раз все уладил с Вонгом. Слушаю... Хотя подожди. Ты знал, что жена сенатора зарегистрировалась в отеле как миссис Гаррет?

Я задумался о причине инкогнито, так как этот факт мне был неизвестен:

– А так даже лучше. Только интересно, чем это вызвано?

– Думаю, тут все просто. Решила не привлекать к себе особого внимания. Приехала женщина, причем одна, в «город грехов». Мало ли что? Наши журналисты – народ наглый и бессовестный. Распишут так...

– Понял я, понял! Теперь давай приступим к делу, – оборвал я его, затем взял со столика документы и сунул ему в руки. – Читай внимательно! Все вопросы потом.

Спустя десять минут, после детального изучения всех документов, бывший полицейский поднял на меня глаза:

– Ты что, парень, совсем с ума сошел?!

– Вы как-то неизящно выразились, мистер Рутер. Я ведь и

обидеться могу, — я весело ухмыльнулся. — Ладно, не пыхти. Скажем так: стараюсь предвидеть возможные проблемы.

— А завещание?! Это как?!

— Страховка, на всякий случай. Раз в год я буду посылать нотариусу письмо или открытку о том, что жив, а ты раз в год будешь приходить к нему и интересоваться положением дел. Если мое письмо не придет в положенное время, отсчитаешь полгода и вступаешь в наследство. Кстати, как у тебя с Евой? Детишек не планируете? — Макс нахмурился, я усмехнулся. — Мой тебе совет: скажи ей о завещании, и она тебя сама потащит регистрироваться законным браком. Точно-точно.

— Не твое собачье дело! — зло рявкнул бывший детектив. — Засунь свой паршивый язык...

— Все! Молчу-молчу.

— А это что? — при этом сердито ткнул пальцем в лист бумаги.

— Все просто. Это название банка в Лос-Анджелесе, ниже — пароль к ячейке. А вот это — ключ от самого ящика. Чтобы избежать ненужных вопросов, скажу: там лежат триста тысяч долларов наличными. Кроме того...

— Мне не нужны подачки! — в голосе бывшего полицейского снова прорезались злые нотки. — Зачем...

— Затем! — отрезал я, начиная сам сердиться на Макса. — И хватит об этом! Тебе с бумагами все ясно?

— Ясно, — недовольно буркнул бывший детектив, знавший упертость наглого подростка и понимавший, что спо-

ритель бесполезно. – Ты мне только одно скажи: откуда у тебя столько денег? Опять кого-нибудь ограбил?

– Клянусь, это была честная сделка. И последнее. Посмотри за моим мотелем в Майами. В ячейке вместе с деньгами лежит генеральная доверенность на твоё имя. Выбери время, позвони управляющему и поставь его в известность.

– Мне что, больше делать нечего?! – уже натурально возмутился Макс. – Ты почему его не продал ещё тогда?

– Так получилось, Макс. Не смог отказать Абель, которая попросила за своего родственника. Кстати, его зовут...

– Я и не знал, что у тебя такое нежное сердце, мальчик. Бедная женщина, несчастный родственник...

– Да плевать на него! – теперь оборвал его я. – Просто момент был неподходящий для отказа. У неё погиб брат, потом умер отец. Плевая просьба. Трудно, что ли, пойти навстречу человеку.

– Его попросили, а мне разбираться со всем этим... Ладно, сделаю. Ты сам-то как?

– Нормально. Исчезну, словно меня тут никогда и не было. И последнее. Мне повезло, Макс, что я тебя встретил в своё время. Спасибо тебе за все.

– Ещё неизвестно, кто кого должен благодарить, Майкл. Скажу так: из тебя получился отличный напарник, парень. Очень жаль расставаться...

– Это лишнее. Завтра меня уже здесь не будет, так что попрощаемся сейчас, – и я протянул Максу руку, которую

тот крепко пожал.

В ходе своей работы за рубежом мне приходилось пару раз сталкиваться с китайской мафией, так что кое-какая информация, как о самой организации, так и об их возможностях, у меня уже была. Триада – это отлично законспирированная организация, куда могут входить только этнические китайцы и только по рекомендациям других членов триады. Сфера ее интересов включает в себя самый разнообразный бизнес, но только в своей среде. Китайцы, вьетнамцы, корейцы. На чужой территории китайские группировки часто предпочитают действовать, срачиваясь с местными бандами «коллег по ремеслу» и подкупая власти, но при этом с показательной жесткостью убирают всех тех, кто пытается им противостоять. Такими методами триады действуют по всему миру. Причем жестокость проявляется не только к внешним врагам, но и к нарушителям дисциплины, отступникам и предателям внутри самой триады. Посвящаемые в члены триады произносят клятву верности, молчания и братства. Нарушивший хотя бы один из тридцати шести пунктов клятвы член китайской мафии живет недолго, но при этом его убивают не сразу, предварительно пытая несколько часов.

Моих знаний из прошлой жизни и того, что удалось узнать здесь, сотрудничая с триадой, вполне хватило для того, чтобы понять, что сейчас она стоит в начале пути своего становления. Естественно, у меня не могло быть никаких статисти-

ческих данных о китайской преступной группировке, но общие выводы из имеющейся у меня информации уже можно было сделать.

Если в Лос-Анджелесе у старика Вонга могло быть тридцать-сорок боевиков, то здесь, в Вегасе, я видел пока трех китайцев, которых можно условно отнести к людям триады. После моего звонка я не сомневался, они получают новые инструкции и начнут сразу действовать. Был еще шанс, что Вонг может плюнуть на традиции и пришлет сюда киллера, вот только и ему нужно время для подготовки.

Не в моих правилах облегчать работу моим врагам, поэтому в половину первого ночи я тайно покинул отель. Мне это было сделать нетрудно, кто, как не мальчишка – владелец отеля знает все его тайные и укромные места. Еще спустя полчаса в условленном месте мне передал ключи и документы на машину один их охранников Ругера, с которым я заранее договорился. Учитывая возможность слежки в аэропорту и на автобусной станции, я решил исключить оба варианта и покинуть город на арендованной машине.

Ехать на автомобиле через всю Америку у меня и мысли не было, поэтому следующим пунктом моей остановки был аэропорт, только не Лос-Анджелеса, а Феникса. Пусть это прилично удлиняло путь, зато моя параноя осталась вполне удовлетворенной этим решением. Отследить меня при тех возможностях триады, которые сейчас имелись у китайцев, было практически невозможно, но моя привычка замечать

следы не исключала возможной слежки.

Уезжал я из «города грехов» не только без сожаления, а можно даже сказать, с облегчением. Еще три месяца назад, только приехав из Майами, я посчитал, что мне пора отсюда уезжать. Придумать дальних родственников и уехать, тем более что Ругер всегда поддержит мою легенду. Только чтобы ехать – нужна цель, а вот ее у меня и не было. Просто болтаться по стране, напрашиваясь на неприятности – не мой стиль. Честно говоря, я скучал по своей работе из той жизни, потому что она, это мне только теперь стало понятно, и была моей жизнью. В моей работе мне все время приходилось быть в движении, в зависимости от поставленных задач, страны и роли, которую мне нужно сыграть. В новой жизни у меня тоже была роль подростка – американца в чужом времени, но только стоило мне стать своим в новом для меня времени, как она стала мне неинтересна. В ней была стабильность и довольство, но не было игры ума и рискованных комбинаций. Мне нужно было как-то менять свою жизнь. Может, мне это и было надо?

«Посмотрю мир. Особенно интересно посмотреть на сталинскую Россию. Интересно, какие она у меня чувства вызовет? – я пошарил в своей памяти. – Дед до сих пор сидит за колючкой. Его, если не ошибаюсь, только в пятьдесят первом выпустили, а в пятьдесят шестом реабилитировали. Отец, отличный специалист, но при этом сын врага народа, прозябает в какой-то конторе, перебирая никому не нужные

бумаги. Как он мне в свое время сказал: власти из моей жизни одним росчерком пера вычеркнули шесть лет. Тут, к сожалению, ничего не изменишь. Да и не мне менять».

Мысли снова вернулись к сложившейся ситуации. Единственное, что мне не нравилось в ней, так это опека Вильсонов, растянутая на годы. В целом они были неплохими людьми, которые без причитаний и слезливой истеричности сумели выдержать тяжелый удар, смерть сына. За те несколько часов, что мы общались, нельзя полностью узнать людей, вот только в такие сложные жизненные моменты характер человека как раз и раскрывается, показывая, чего он стоит. После чего мы расстались, не созванивались и не виделись эти три месяца. Почему я им не звонил? Не видел смысла в дальнейшем знакомстве, к тому же думал, что они обо мне забыли, а самое главное, я считал, что у них своя жизнь, а у меня – своя. Наверно, поэтому появление миссис Вильсон стало для меня неожиданностью, не говоря уже о ее предложении. Все пять дней, пока она жила в отеле, мы с ней присматривались друг к другу.

Жене сенатора, наверно, очень хотелось вылепить из меня подобие сына, который станет дипломатом или бизнесменом, но при этом понимала, что давить на меня не получится, так как я дал ей понять, что меня не нужно переделывать. Ей и Генри осталось только надеяться, что рано или поздно я все пойму и пойду по правильному пути. Мне оставалось надеяться на то, что за эти несколько дней миссис Вильсон по-

лучила, пусть далеко не полное, но хоть какое-то представление о моей личности, и мы найдем состояние равновесия в наших отношениях. Правда, насколько я мог понять, в недостатке воспитания она винила не столько меня, сколько Еву Нельсон и Макса Ругера, которые предоставили меня самому себе.

«Если сильно будет давить, сыграю роль самостоятельного и норовистого мальчишки, – усмехнулся я про себя, глядя на дорогу. – Вот только как посмотрит на такого парнишку сенатор, который видел меня почти настоящего. Правда, тогда он был немного не в себе и не все адекватно воспринимал».

Обычно, когда человек находится под воздействием сильнейших душевных страданий, он смотрит на окружающий его мир через свою боль, которая невольно искажает общую картину. Вот только Генри Вильсон не относился к обычным людям, обладая живым умом, продвинутой интуицией, умением анализировать и просчитывать ходы своих политических противников. Чтобы понять, что он собой представляет, я специально провел пару часов в публичной городской библиотеке, читая его речи и выступления, после чего смог добавить к его достоинствам твердость характера. Семь лет он шел к «вершине политического олимпа», а взойдя, последние три года уверенно держал лидерство, председательствуя год за годом в десятке комиссий и комитетов. Исходя из всего того, что успел о нем узнать, этот человек не пройдет мимо странного подростка, отмахнувшись и списав все

на переходный возраст, но при этом я надеялся, что мы сможем прийти к какому-нибудь соглашению.

«Дорога у меня длинная, так что о линии своего поведения будет время и возможность подумать», – подвел я итог своим размышлениям, подъезжая к Фениксу.

Пятьсот километров я проехал за восемь часов, остановившись только один раз у бензоколонки, чтобы заправиться, сходить в туалет, купить бутербродов и бутылку фруктовой воды. Не стал въезжать в город, чтобы не наскочить на какого-нибудь бдительного полицейского, а объехал его по кольцевой дороге, на что потратил лишние двадцать минут, зато не оставил за собой никаких следов. Оставив машину на стоянке у аэропорта, я купил билет на самолет, пообедал, а спустя три часа был уже в воздухе. Теперь я летел в Чикаго, а уже оттуда был намерен прибыть в Вашингтон.

«Золотое время. Нигде и никому не надо предъявлять удостоверение личности, а в багаже хоть атомную бомбу вези».

Несмотря на то что полеты были длительными, условия и комфорт, представляемый американскими авиакомпаниями, были представлены на уровне хорошего отеля. Свободное личное пространство, дававшее возможность превратить кресло в кровать, роскошный обед из семи блюд и бар, где наливали бесплатное виски, хорошо помогали скрашивать дальность полетов. К тому же у стюардесс всегда был запас настольных игр, газет и журналов, которые помогали

скоротать время пассажирам. Единственное, что мне не нравилось, так это разрешение курить на борту самолета.

Из Чикаго я сразу не полетел, хотя была возможность купить билет на дневной рейс, а отложил его на сутки, ради того, чтобы получить хоть какое-то представление о городе гангстеров. На четвертые сутки своего путешествия я, наконец, оказался в Вашингтоне. Сев в такси, я направился по указанному мне адресу.

Дверь мне открыла милая девушка лет двадцати с большими черными глазами. Креолка или метиска, решил я, обратив внимание на ее светло-кофейный оттенок кожи.

– Вам кого?

– Мне нужна Мария или Генри Вильсон.

– Как вас представить?

– Майкл.

– Просто Майкл?

Я кивнул головой.

– Хорошо. Пройдите и подождите здесь. Я сейчас доложу.

Громадный вестибюль, высокие потолки, большая люстра над головой, широкая лестница – все это заставило меня вспомнить кадры из фильмов, где показывали помещицы дома. Несколько минут я крутил головой, пока не увидел торопливо спускающуюся по широкой лестнице жену сенатора. За ней спешила ничего не понимающая, а от того взволнованная, горничная. Поставив багаж на пол, я принял

радостный вид и сделал пару шагов вперед. Причем не для галочки, а в понимании того, что меня здесь действительно рады видеть. Вдруг неожиданно заметил боковым зрением движение. Чуть сместил взгляд и увидел в проеме одной из боковых дверей пожилую полную женщину.

«Прислуга. Кухарка?» – мелькнуло в голове.

Природная смуглость ее кожи навела меня на мысль, что она родом из Испании или Италии.

– Майкл, как я рада тебя видеть! – миссис Вильсон раскинула руки, чтобы обнять.

– Здравствуйте, тетя Мария! – поздоровался я и только шагнул к ней, как пожилая женщина громко ахнула, не сумев сдержать своих эмоций. Я невольно замер на месте, не понимая, что вызвало столь бурный всплеск чувств у этой женщины, которая сейчас смотрела на меня не отрывая глаз.

– Святая Мария! – вырвалось у нее. – Как же он похож!

После ее слов все стало на свои места, вот только на лицо жены сенатора словно набежала тень, а глаза сразу повлажнели.

– Долли, я же тебя просила...

– Извините, госпожа. Но он так похож... – жалко пролепетала женщина. – Извините меня, ради всего святого! Я лучше пойду на кухню.

Развернувшись, пожилая женщина скрылась за дверью. Мария Вильсон обняла меня, а когда отстранила, глаза у нее уже были сухими, но в них продолжала плескаться боль. Жа-

леть ее сейчас нельзя, так как это сразу вызвало бы слезы, поэтому нужно было срочно разрядить обстановку.

– Тетя Мария, а я вам с дядей Генри подарки привез! – я снова изобразил радостную улыбку на своем лице. – Нужно только распаковать вещи.

– Мне уже интересно! Ты лучше расскажи, как ты доехал? И почему так долго добирался? Мы уже начали беспокоиться!

– Со мной все хорошо, а задержался оттого, что пробыл сутки в Чикаго. Хотел посмотреть город.

– погоди! Почему Чикаго? Ты разве не прямо из Лос-Анджелеса летел? – удивилась жена сенатора.

– Решил немного попутешествовать.

Женщина укоризненно покачала головой.

– Все забываю, что ты у нас самостоятельный парень. Есть хочешь?

– Сначала приведу себя в порядок. А где дядя Генри?

– У него, как всегда, дела, но я позвоню ему, – жена сенатора повернулась к девушке, которая стояла в двух шагах, разглядывая меня с нескрываемым любопытством. – Рита, проводи, пожалуйста, молодого человека в его комнату. Пусть он приведет себя в порядок. Майкл, часа тебе хватит?

– Вполне.

– Когда будешь готов, спустишься вниз, в гостиную. Думаю, к этому времени приедет Генри, и мы обо всем поговорим.

Кивнув головой, я подхватил багаж и направился по лестнице, вслед за девушкой, на второй этаж.

Дом был громадный, хотя и высотой в два этажа. В моем неискушенном понимании он походил на дворянское поместье, но это определение появилось из-за раскинутого вокруг дома ухоженного парка, окруженного двухметровым кованым забором. Мои мысли получили прямое подтверждение, стоило мне попасть внутрь. Массивные дубовые панели на стенах, тяжелые деревянные перила, ковровые дорожки, лежащие на ступенях, прижимаемые медными скобками, громадные люстры и высокие потолки, достигавшие пяти метров, а то и более. Верность старым принципам, благопристойность и уют чувствовались в каждой хрустальной подвеске, в каждой резной завитушке на тяжелых рамах многочисленных картин, развешанных по всему дому. Сразу приходила мысль о том, что этот солидный и крепкий дом был построен на века, на десятки поколений.

– Вот ваша комната, мистер Валентайн. Ключ оставляю в двери. Вам еще что-нибудь нужно?

– Нет. Спасибо. Вас зовут Рита?

– Да, мистер Валентайн, – девушка мило улыбнулась. – Я горничная у мистера и миссис Вильсон.

– Я не мистер, я – Майкл.

Девушка снова улыбнулась, но уже по-дружески.

– Хорошо, Майкл. Если что понадобится, зовите.

Войдя в комнату, быстро осмотрелся по сторонам. Мебель

в гостевой комнате выглядела так, словно я попал в прошлый век. Широкая деревянная кровать со спинками, которые были украшены резными цветочками и завитушками, представляла самое настоящее произведение искусства. Шкаф, стол и стулья составляли единый старинный ансамбль, созданный рукой мебельного мастера. Подойдя к кровати, пару раз нажал рукой на матрас, удовлетворенно кивнул головой, затем подошел к окну, из которого открывался шикарный вид на парк. Пару минут любовался, затем быстро разобрал вещи, пустил воду в ванну. Большую часть отведенного мне часа я провел в ванне, после чего просушил волосы и быстро оделся. Пошитый на заказ темно-синий костюм, подобранные ему в тон галстук, рубашка и платок, торчащий из нагрудного кармана пиджака, должны были завершить картину современного молодого человека. Своим элегантным видом, а также знанием правил этикета я сегодня собирался поразить «тетю Марию», тем самым заставив ее отказаться от глобальных планов по переплавке уличного хулигана в культурного человека. Немного подумав над своим образом, решил добавить в него небольшую нотку растерянности перед новым местом, а чтобы подчеркнуть это, решил во время разговора одергивать иногда на себе пиджак, после чего, взяв в руку бумажный пакет с подарками, вышел из комнаты.

Когда я спустился в гостиную, там была только леди Вильсон. Увидев меня, она непроизвольно подняла брови. В ее глазах читалось удивление и явное одобрение моего нового

внешнего вида. Выйдя на середину комнаты, я чуть кивнул, демонстрируя свою модную прическу (не зря почти час провел в парикмахерской в Чикаго), затем сказал:

– Тетя Мария, у вас замечательный дом. Крепкий, сделанный на века, и в то же время уютный. Мне он очень понравился. Знаете, в какое-то мгновение даже ощутил, что вернулся в свой родной дом, к папе и маме.

Было видно даже невооруженным глазом, что ей приятны мои слова и та непосредственность, с какой они были сказаны. Она порывисто вскочила с диванчика, сделала несколько шагов ко мне, и я уже думал, что она заключит меня в свои объятия, но вместо этого она сказала:

– Майкл, ты меня не устаешь поражать. Я даже сразу и не поняла, кто этот модный молодой человек. Он умеет одеваться и говорит так, что у меня сжимается сердце. Надеюсь, это не единичная роль в отрепетированном тобой спектакле?

– Нет, тетя Мария. Поверьте, сказанные мною слова, это от всего сердца. Со всем остальным, с костюмом и прической, мне помогла Ева Нельсон, стоило ей узнать, что я еду к вам, – я врал напрапалую, зная, что проверять мои слова никто не будет. – Еще я хочу сказать, чтобы вы не волновались насчет меня. Я знаю правила этикета и умею вращаться в обществе. Мама знала толк в этих делах и учила меня.

– Твой вид и слова... Ты сейчас просто другой человек. Знаешь, я с большим удовольствием посмотрю на лицо мужа, когда он тебя увидит!

– Кстати, а где дядя Генри?

– Я уже звонила ему. Он знает о твоём приезде, но ненадолго задерживается. Извини его, мой мальчик, но у него много дел, а особенно сейчас, перед отъездом.

– Я и раньше знал, что он ответственный и занятый человек. Сенатор, председатель нескольких комиссий. Общественный деятель. Его последнюю речь в сенате, напечатанную в газетах, судя по высказываниям, многие одобрили. Не смотрите на меня так, тетя Мария. Мне тоже надо было как-то знакомиться с вами. Двадцать восьмой президент Америки Томас Вудро Вильсон случайно не родственник дяди Генри?

– Родственник, – подтвердила миссис Вильсон и покачала головой, словно не веря новому образу подростка. – Знаешь, Майкл, ты для меня открылся совсем с другой стороны. Умный, модный, учтивый молодой человек, умеющий говорить хорошие и правильные слова.

– Все-таки, если говорить честно, мне привычнее чувствовать себя уличным хулиганом.

– Тебе это уже не нужно, – чуть насмешливо сказала леди Вильсон. – Мне кажется, что ты перерос эту роль.

– Тетя Мария, скажу честно, мне очень не хочется, чтобы меня кто-либо втискивал в какие-либо рамки.

После моих произнесенных серьезным тоном слов я думал увидеть ее нахмуренное лицо, но вместо этого женщина улыбнулась.

– Не волнуйся, Майкл. Мы уже поняли, что у тебя своевольный характер, поэтому навязывать тебе ничего не будем. К тому же ты только что продемонстрировал ту грань поведения в обществе, к которой я думала тебя подвести. Так что, считай, что ты сдал экзамен на воспитанного человека.

– Спасибо, тетя Мария.

– Хватит разговоров! Идем обедать. Генри сказал, чтобы мы его не ждали и сели за стол.

За обедом я легко прошел новый экзамен, ловко управляясь со столовыми приборами и промокая губы салфеткой. Жена сенатора в очередной раз была приятно удивлена, хоть и старалась не подавать вида. Если в отеле я вел себя намного проще и раскованнее, то здесь мальчишка с улицы проявил себя как истинный джентльмен.

Дороти, повариха, служившая у Вильсонов уже полтора десятка лет, наверно, превзошла сама себя, хотя пока мне не было с чем сравнивать. Обед был по-настоящему домашний и вкусный: горячий густой суп, а на второе – тушеное мясо с овощами. В завершение обеда подали чай и домашнюю выпечку. Все время, пока ели, мы молчали, только я позволял себе изредка нахваливать вкусную еду, поэтому только за чашкой чая мы продолжили наш разговор. Я рассказал, как добирался, на что Марии только и оставалось, что ахать и удивляться. Не успели убрать со стола, как приехал Генри Вильсон. Мы поздоровались, и после того, как он оценил мой внешний вид и пошутил, что теперь мне можно в сена-

те выступать, я попросил минутку внимания и торжественно вручил подарки супругам. Изящный дорожный несессер с маникюрными принадлежностями я преподнес Марии, а футляр с позолоченной перьевой и шариковой ручками – Генри. На сафьяновой крышке изящными золотыми буквами было написано «Сенатор». Точно такие же надписи были на обеих ручках. Леди Вильсон растрогалась до глубины души, да и Генри, это нетрудно заметить, было приятно. После чего было сказано много хороших, теплых слов. Все это время я пытался анализировать, чтобы понять, как они ко мне относятся в действительности, но кроме искренней радости, радушия и душевной теплоты ничего не ощутил. Спустя какое-то время Мария сделала вид, что неожиданно о чем-то вспомнила, извинилась и вышла, оставив нас с сенатором наедине. Генри подошел к бару, налил треть стакана виски, кинул туда несколько кубиков льда, потом сел напротив меня.

– Довольно дорогие подарки, Майкл, – неожиданно сказал Генри.

В его словах чувствовался вопрос.

– Я не бедный парень, дядя Генри. Кстати, мне с собой Макс Ругер дал десять тысяч долларов. С ними что-то надо решать.

– Ого! Майкл, ты не устаешь меня поражать. Мария боялась, что при твоей неограниченной свободе у тебя будут замашки уличного хулигана, а ты у нас оказался настоящим джентльменом. Теперь еще оказывается, что у этого молодого

го человека и деньги имеются. Что у тебя еще есть? Удивляй меня! Я слушаю. – Хотя он говорил легко и дружески, но я-то чувствовал, как внутри он насторожился. Он все еще пытался найти решение загадки под названием Майкл Валентайн, которая никак не давалась ему в руки.

«Надо его успокоить», – подумал я и сказал:

– Вы хотите знать, откуда они? Скажу. Макс Ругер, будучи частным детективом, полгода тому назад очень сильно помог одному богатому человеку, который, помимо обещанного солидного гонорара, предложил в качестве дополнительной оплаты должность начальника охраны нового отеля. Половину полученных денег опекун записал на меня. Это все, что я знаю.

Судя по тому, что из глаз сенатора исчезла настороженность, такой ответ его вполне устроил. Он сделал большой глоток виски, с минуту крутил в руке стакан, в котором постукивали кубики льда, обдумывая мои слова, и только потом сказал:

– Ты очень взрослый для своих лет подросток, Майкл. Твое сходство... Нет, не так. Твое появление и твоя своевременная помощь оказались для нас в тот момент чуть ли не помощью свыше. Да, я знаю точно, что это была случайность. Я достал и прочитал полицейские отчеты, но так и не понял твою роль во всем этом деле. Согласно официальным документам, с Кинли и его подручными разобрался босс мафии Майами. Я не верю, что ты участвовал в чем-то плохом, но

ведь откуда-то тебе стало известно... о том месте.

– Вы мне можете не верить, но это действительно было дело случая. Просто услышал разговор подвыпивших гангстеров. Еще я скажу, что у меня очень хорошая память, и я умею складывать факты. Этому меня научил Макс Ругер. И последнее. Моя детская жизнь закончилась в тот самый момент, когда сгорел дом с моими родителями, а я чудом сумел убежать. Так что принимайте меня таким, как есть, дядя Генри, или вообще не принимайте.

– Нет, Майкл, так вопрос вообще не стоит. От себя скажу так: ты мне нравишься своим цельным и независимым характером. Наш сын был таким, – сенатор помолчал, потом сказал: – Так что оставим все, как есть. Знай, я ни в чем тебя не подозреваю. У меня даже мыслей таких не было. Просто твоя роль во всех этих событиях показалась мне весьма странной и необычной. Впору поверить в ангела-хранителя. И еще. Обещаю тебе больше этой темы не касаться.

– Спасибо, дядя Генри. Я знал, что вы все поймете правильно.

– Вот и отлично, – облегченно выдохнул воздух сенатор. Видно, и для него этот разговор оказался непростым. – Сейчас придет моя супруга, и мы поговорим...

Тут он оборвал свою фразу, так как в этот момент в гостиную вошла его жена.

– Так, о чем тут мужчины говорили? – сразу поинтересовалась миссис Вильсон.

– Дорогая, оказывается, Майкл богатый человек.

– Богатый?

Сенаторша сначала бросила вопросительный взгляд на меня, а потом на мужа.

– Дядя дал ему в дорогу десять тысяч долларов.

– Не ожидала. Честное слово, весь день – сплошные сюрпризы, которые сразу превращаются в достоинства. Теперь скажи мне, мой мальчик, а какие у тебя есть недостатки?

– Много, тетя Мария, хотя лично я не считаю их своими недостатками. Первое. Я упрямый. Если считаю, что так надо, то иду и делаю, невзирая на препятствия. Как говорит Макс, это от того, что у меня особый взгляд на жизнь. Второе. Я хитрый и непредсказуемый. Это слова Евы. От себя могу сказать, что я люблю побеждать, причем не только на ринге.

– То, что я о тебе знаю, говорит о том, что ты упорный, а не упрямый, а мнение Евы можешь не принимать во внимание, так как это просто ревность женщины, которая не хочет делить с кем-либо своего любимого мужчину. Так что я считаю, что все тобой перечисленное больше походит на достоинства, а не недостатки. Ты как считаешь, Генри?

– Время покажет, дорогая, – уклончиво ответил сенатор. – Теперь, когда мы все вместе, мы можем поговорить о нашем путешествии. Для начала скажу, что для улаживания всех наших дел у нас есть месяц. Майкл, завтра ты, вместе со мной, поедешь в Министерство иностранных дел. Надеюсь,

ты ничего не забыл из документов?

– Все на месте. Все с собой.

– Хорошо. Я договорился, что тебя запишут как нашего племянника. Мария с тобой уже говорила на эту тему, и ты выразил согласие. Ничего не поменялось?

– Нет, дядя Генри.

– Теперь насчет заграничного паспорта для тебя. Единственной помехой, возможно, будет получение для тебя визы в Советский Союз. В этом случае нам придется поехать всем вместе в советское генеральное консульство, в Нью-Йорке.

– Генри, но ты же сказал, что все решишь, – в голосе его жены послышались возмущенные нотки.

– Я и решил. С выездными документами на Майкла нет никаких проблем, так же, как и с европейскими визами, но советская Россия – это нечто иное. Вообще-то я думаю, что никаких проблем у нас не должно быть, а я, скорее всего, просто перестраховываюсь. Вылетаем из Нью-Йорка, затем через океан летим в Стокгольм... Стоп. Забыл рассказать об одной новости. Неожиданно оказалось, в одном самолете с нами летит делегация из конгрессменов и промышленников, которые тоже направляются в Москву.

– Зачем, дорогой?

– Наши все никак не могут согласовать с русским правительством финансовые вопросы по ленд-лизу. Помнишь Вилли Кройца?

– Несдержанный и вспыльчивый болван, – тут же дала ему

резкую характеристику леди Вильсон. — Как только его включили в делегацию?

— Ты же знаешь, дорогая, как у нас делается. Хорошие связи. Вот только если они рассчитывают получить сейчас чек от русских, то сильно ошибаются. В сорок восьмом году в Москву уже ездила не менее представительная делегация. И что? Вернулись с пустыми руками. Сейчас будет то же самое. Извините, я отвлекся. Значит, Стокгольм. Потом мы летим в Финляндию, в Хельсинки, а оттуда сразу в Москву.

— То есть в Ленинград, Генри, мы не летим?

— Как мне сказал один из членов делегации, есть предварительный договор, по которому русские должны прислать за правительственной делегацией самолет. Я уже переговорил кое с кем, так что у нас есть шанс лететь с ними до Москвы.

— Пришлют? А что в этом Союзе пассажирских самолетов нет? — спросил я. — Ведь Хельсинки, я смотрел по карте, близко от Ленинграда.

— У большевиков нет рейсов в Хельсинки.

— Почему?

— Все очень просто. После войны коммунистическая Россия испытывает большие трудности, как в экономике, так и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Им надо поднимать целую страну, поэтому гражданская авиация у них сейчас, скажем так, на десятом месте.

— Я понял.

– Генри, а что насчет Ленинграда? У нас ничего не изменилось? – вдруг неожиданно спросила его жена.

– Раз я обещал тебе, дорогая, значит, выполню. Съездим туда обязательно.

– Спасибо, милый. Говорят, что это очень красивый город, Майкл, – эти слова уже относились мне. – Я смотрела альбом. Там много старинных зданий, мосты, каналы.

– Ух ты! Здорово! – сделал я радостное лицо. – На катере покатаемся!

– Насчет этого сказать пока трудно. В России зима суровая, так что каналы могут замерзнуть, но будем надеяться на лучшее, – подбодрил меня Генри. – Из Союза, через Германию, полетим во Францию, а нашим конечным пунктом станет Испания.

– Как я хочу в Испанию! – неожиданно воскликнула Мария с каким-то непонятным для меня волнением.

Я бросил вопросительный взгляд на жену сенатора. Она поняла мой невысказанный вопрос и ответила:

– Именно там мы с Генри познакомились.

– Вот как?! – теперь уже удивленно воскликнул я.

– Я начинал свою карьеру как дипломат, Майкл, – неожиданно сказал сенатор, хотя я ждал объяснений от его жены. – В Мадриде. Пробыл там полтора года, после чего меня перевели в Лондон. Потом снова оказался в Испании, где познакомился с Франсиско Франко. Мы с ним...

– Франко! Точно! Я о нем в одном из журналов прочи-

тал, – прервал я его. – Там написали, что он самый настоящий диктатор. Это правда?

– Не верь всему, что пишут, парень, – усмехнулся Генри, которого, похоже, позабавил мой эмоциональный всплеск. – В жизни все сложно, даже то, что кажется на первый взгляд простым. Когда ты познакомишься с этим человеком, вполне возможно, что захочешь изменить свое мнение.

– Ну, не знаю, – с сомнением в голосе произнес я. – Да и кто меня с ним познакомит?

– Хотя бы я, – с улыбкой произнес сенатор.

– Вы?! – мое удивление было не наигранным. – Откуда... А! Вы же были в Испании! И там познакомились! Да?

– Да. Это так. Теперь к тебе вопрос. Как тебе дается знание иностранных языков?

– Прямо так не скажу, что легко, но испанский язык обязательно выучу. Я вам обещаю. А как долго мы там будем жить?

– Как пойдут дела. Год, полтора или два. Надеюсь, что тебе там понравится. Теплое море, песчаные пляжи, старинные замки. Вообще в Испании много интересных мест. Будем ездить, смотреть, купаться в море. Я тебе обещаю!

– Еще там много вкусного вина, – с легкой улыбкой добавила Мария.

Глава 3

За два первых дня проживания в доме Вильсонов я прошелся по городу в поисках тренировочного зала и тира, а когда нашел, сразу определился с занятиями и расписанием. Мария не возражала, но при этом не замедлила высказаться насчет того, что физическая культура – это одностороннее воспитание молодого человека, а надо развиваться всесторонне. Я осторожно поинтересовался, что она имеет в виду, но когда услышал, что ее предложения касались классической литературы и посещения художественных выставок и театров, возражать не стал. Не теряя времени, мы занялись гардеробом, делая упор на российские морозы. Я заказал себе кожаное пальто с меховой подстежкой, шапку, приобрел толстой вязки свитер и теплые кожаные перчатки. Во время прогулок по городу Мария не только знакомила меня с городскими достопримечательностями и старинными зданиями, но и показывала кафе, где варят самый вкусный кофе, рестораны с их фирменными блюдами и торговые улицы с магазинами.

Несмотря на довольный вид подростка, который демонстрировал всем и каждому, как хорошо жить на белом свете, когда тебе шестнадцать лет, я все так же продолжал отслеживать возможную опасность. Китайская угроза, если ее можно так назвать, реально существовала, и то, что я сейчас

находился на другом конце страны, отнюдь не давало гарантию полной безопасности.

В спортивном зале, где я стал заниматься, я неожиданно наткнулся на группу, которую вел бразилец. Он преподавал бразильское направление рукопашного боя, капозйру. Увидев мои выкрутасы, он заинтересовался и предложил мне проводить тренировочные бои с ним, что добавило много нового и интересного в мои занятия.

Весь месяц я прожил в доме Вильсонов в Вашингтоне, за исключением пары дней, когда мы ездили за русскими визами в Нью-Йорк. Если вопрос со всеми европейскими визами решился без нашего с Марией присутствия, то в Нью-Йорк нам пришлось съездить для посещения советского консульства. Как оказалось, причина для нашего личного присутствия была не во мне, как опасался Генри, а в нем самом.

Разговор начался с вопроса консула: если вы едете в Испанию, то что вы собираетесь делать в Советском Союзе?

– Мы едем как туристы, – первым ответил на этот вопрос Генри. – Нам интересно, как и чем живет ваша страна.

– Даже так? – деланно удивился консул. – Мне не доводилось встречаться с вами раньше, господин Вильсон, но при этом приходилось читать ваши статьи, а также кое-что слышать о вас. Вы один из советников президента, не говоря уже о том, что вы находитесь с ним в дружеских отношениях. Как мне еще известно, вы, в свое время, председательствовали в трех комитетах и возглавляли две сенатские комис-

сии по расследованиям, а также довольно часто выступаете с речами в сенате. Изучив все, что относится к вашей политической деятельности, нетрудно сделать вывод, что вы полностью разделяете взгляды сенатора Джозефа Маккарти, который настаивает на крестовом походе против коммунизма. Если вы все уже определили для себя, зачем вам поездка в страну, политика которой вас не устраивает? Или вы хотите открыть что-то новое для себя?

– На этот вопрос, если вы не возражаете, господин посол, я бы хотела ответить, – Мария вопросительно посмотрела на посла. После его кивка головой она продолжила: – Поездка в коммунистическую Россию не имеет никакого отношения к нашим политическим взглядам. Это я попросила мужа включить в эту поездку вашу страну, так как меня интересует искусство, во всех его проявлениях. У вас, в советской России, есть направление, которого нет в других странах мира – социалистический реализм. Мне очень интересно посмотреть, как оно выражено в картине и скульптуре. В не меньшей степени меня интересуют исторические памятники городской архитектуры. Я ответила на ваш вопрос?

– Можно сказать, что ответили, – при этом он бросил на нас оценивающий взгляд, словно пытался прочесть по нашим лицам, насколько правдивы слова Марии Вильсон, после чего спросил: – Какие города вы наметили для посещения?

– Москва и Ленинград, – ответила жена сенатора. – Имен-

но там находятся главные художественные музеи вашей страны. Кроме того, меня интересует Ленинград как исторический архитектурный памятник.

– Сколько вы намерены пробыть в Советском Союзе?

– Две недели, – снова вступил в разговор сенатор. – Останемся в Москве, а уже оттуда съездим на три-четыре дня в Ленинград.

– Три-четыре дня для этого замечательного города мало, но общее впечатление вы сумеете себе составить. Не смотрите на меня так удивленно, ведь это город моего детства и юности, поэтому он навсегда останется в моем сердце, как первая любовь.

– Вы очень хорошо сказали, – сказала Мария, а затем неожиданно спросила: – Вы случайно стихи не пишете?

– Нет. Не пишу, – неожиданно улыбнулся консул. – Насколько мне известно, вы собираетесь лететь через Берлин во Францию, а потом в Испанию. Все правильно?

– Так и есть, – подтвердил его слова сенатор. – Я узнавал, что есть пассажирский самолет Москва – Варшава – Берлин. Это так?

– Все правильно, мистер Вильсон.

– У вас это регулярные рейсы? – неожиданно спросила консула Мария. – Надеюсь, у нас не будет проблем с билетами?

– Это вне моей компетенции, миссис Вильсон, – консул снова придал лицу служебное выражение. – У меня остался

последний вопрос: зачем вы берете с собой Майкла Валентайна?

— Можно мне ответить? — и я, как школьник на уроке, поднял руку.

— Можно, — ответил консул.

— Мистер, это же так просто. Я просто хочу посмотреть мир! — при этих словах я постарался сделать свою улыбку как можно шире и непосредственной. — Когда тетя Мария мне сказала об этом путешествии, я даже раздумывать не стал. Такой шанс выпадает раз в жизни!

Консул снова улыбнулся:

— Против таких слов трудно возразить, мистер Валентайн. Завтра, после десяти часов утра, вы, мистер Вильсон, сможете забрать ваши документы. Хорошего вам всем путешествия и приятных впечатлений! До свидания.

За все время, что мне довелось жить в Вашингтоне, один раз я был в театре, три раза в кино и дважды на выставках. Наиболее хорошо мне запомнилась первая выставка, на которую мы поехали втроем. Мария, ее подруга Маргарет и я. Впрочем, не мне одному запомнилась именно эта выставка.

Дело в том, что это была не просто выставка картин, а своеобразная помощь городских меценатов молодым и еще неизвестным художникам. Несколько богатых семей, в том числе и Вильсоны, собрали деньги и взяли в аренду на две недели часть городской художественной галереи, откуда на

это время убрали постоянную экспозицию, а вместо нее вывесили картины и поставили скульптуры молодых художников самых разных направлений в искусстве. Чтобы обеспечить интерес к выставке, были наняты люди, которые стояли на оживленных городских перекрестках и раздавали листовки с приглашением посетить выставку, а за несколько дней до открытия пошла реклама по радио. В одиннадцать часов состоялось торжественное открытие с короткой вступительной речью и духовым оркестром, после чего для художников и журналистов был устроен фуршет, вот только, в отличие от предыдущих выставок, никакой комиссии, которая отвечала за подбор произведений, здесь не было. Организаторы решили дать полную свободу молодым дарованиям, но мне так кажется, что впоследствии они об этом сильно пожалели. Выставка называлась «Свобода, любовь и будущее». Как видно, местные художники слишком вольно восприняли ее название, решив поразить горожан своей безграничной фантазией.

Мы пришли на выставку с Марией и ее подругой ближе к вечеру, когда основной поток посетителей схлынул, а сами молодые дарования собрались в небольшие группки в почти пустых залах. Обойдя по большой дуге стоящее недалеко от входа так называемое творение, сделанное из кучи мусора, склеенного в виде остроконечной горы и имевшее пафосное название «Мир будущего», мы прошли в первый зал. По мне, так все картины, висевшие на стенах, и полтора десятка кон-

струкций (слово статуя им точно не подходило) из пластика, бумаги и металла, разбросанных по залу, были сделаны парой-тройкой накурившихся малолеток, настолько они были убоги и безвкусны. Впрочем, подавляющее большинство находившихся здесь художников выглядели им под стать, безвкусно, крикливо, с претензией на экстравагантность. Один из таких типажей, стоя рядом со своей картинкой, где на белом фоне был нарисован оранжевый шар, с надписью «Мир – это оранжевый апельсин», был не только одет во все оранжевое, но даже волосы выкрасил в красновато-желтый цвет.

Мне лично пяти минут осмотра хватило, чтобы понять, здесь делать нечего, вот только две подружки, медленно шедшие чуть впереди, в очередной раз остановилась возле невнятной картины с надписью «Взгляд в себя» и зачем-то попытались понять ее смысл. Остановившись в паре шагов от них, я в который раз обвел зал скучающим взглядом.

«Уроды с вывернутыми мозгами», – только я так подумал, как от одной из компаний отделилось трое самодельных художников и направились к нам. Подружки, стоя возле этой детской мазни, все еще пытались найти смысл там, где его никогда не было. Один из троицы, хорошо поддатый бородатый парень, подойдя к нам, с ходу самодовольно заявил, что именно его картинка и есть жемчужное зерно в этой навозной куче, а дамы, по ним сразу видно, истинные ценители искусства. По окончании своей короткой речи он нагло заявил, что пятьсот долларов за эту шедевральную картину

его вполне устроят. Вот только стоило ему узнать, что дамы не собираются ничего покупать, а хотят понять, что он тут намалевал, как недовольный художник заявил своим приятелям, что подобное заявление является прямым оскорблением его интеллектуального творения. Этим бы все и кончилось, если бы он не добавил, что эти две старые задницы просто не в состоянии заглянуть в душу настоящего художника. Договорить фразу он не успел, так как захрипел, выпучив глаза и багровея лицом. В следующее мгновение я развернулся к его двум приятелям, которые при виде оседающего на пол друга испуганно замерли, не сводя с меня глаз. По их лицам было видно, что молниеносная расправа над их дружкой произвела на них достаточное впечатление.

– Тоже в лоб хотите? – негромко поинтересовался я, при этом показательно постучал кулаком в открытую ладонь левой руки.

– Не-ет, – даже не сказал, а скорее, проблеял бледный тощий парень с запавшими глазами и редкой, куцей бородкой. Второй художник, плотный дядька в разноцветной рубаше и больших роговых очках розового цвета, говорить ничего не стал, а просто попятился, выставив перед собой руки.

Испуганно застыла Маргарет, подруга Марии, тараща глаза на багровое лицо бородача. Она не видела момента удара, так как стояла, глядя в этот момент на картину, зато леди Вильсон круто развернулась, стоило ей услышать оскорбление, поэтому прекрасно все видела и теперь неодобрительно

смотрела на меня.

– Как он? – лаконично спросила она меня.

– Будет жить, – ухмыльнулся я.

– Это не ответ, Майкл. Ему врач не нужен? – уточнила она.

– Нет. Я аккуратно его ударил, – тихонько ответил я.

Начала инцидента практически никто не видел, за исключением приятелей пострадавшего. Взывать о помощи никто из них, судя по их испуганным физиономиям, не горел желанием, но стоило бородачу завалиться на бок, как он сразу привлек всеобщее внимание, а еще спустя несколько минут вокруг него собралась небольшая толпа из посетителей, художников и парочки вездесущих журналистов.

– Что случилось? Надо вызвать врача! Я представитель прессы! Что случилось?!

Стоило раздаться крикам, как леди Вильсон схватила за руку растерявшуюся подругу, после чего негромко сказала-скомандовала:

– Майкл, на выход.

Выйдя на улицу, мы немного прошлись, потом посадили Маргарет в такси. Проводив взглядом машину, Мария посмотрела на меня и спросила:

– Майкл, что это было?

– А нефиг обзывать, – буркнул я, глядя в сторону.

Сейчас я даже не отыгрывал упрямого подростка, уверенного в своей правоте, а просто был им.

– Я тебе очень благодарна за то, что ты защитил мою честь, мой мальчик, но больше так не делай. В следующий раз ты можешь так кого-нибудь серьезно покалечить.

– Не волнуйтесь, тетя Мария, я умею соразмерять силу своего удара.

– Очень на это надеюсь, – сейчас в ее голосе чувствовался сарказм, – так как не думаю, что мне понравится ходить к тебе на свидания в тюрьму.

– Так уж сразу и в тюрьму, – буркнул я, уже играя роль подростка.

– Хм. Интересно, что Генри скажет по этому поводу?

Отвечать на риторический вопрос не имело смысла, поэтому я только пожал плечами. Поздно вечером, когда жена после ужина рассказала ему о происшествии, сенатор ничего не сказал, только усмехнулся. На следующий день Мария попросила меня купить несколько газет, но как я и думал, инцидент на выставке прошел незамеченным, не найдя своего отражения даже на страницах желтой прессы.

За неделю до отъезда меня еще раз сводили на выставку картин. На нее, мне уже потом стало понятно, леди Вильсон вряд ли пошла сама, просто она хотела сделать мне приятное. Здесь, в отличие от мазни авангардистов, были представлены работы художников, которые рисовали обложки для многочисленных журналов, в которых печатались приключения, детективы и фантастика. На больших полотнах, развешанных по стенам художественной галереи, частные

детективы и американские агенты воевали с инопланетными монстрами, фашистами и пиратами, мимоходом спасая крутобедрых красавиц.

«Сходил на выставку, будто журнал комиксов пролистал», – подумал я на выходе.

– Как тебе выставка, Майкл?

– Здорово! – изобразил я восхищение. – Особенно та картина, где идет высадка десанта на планете демонов! Еще мне понравилось, как нарисовали ограбление банка. Там все друг в друга стреляют! И схватка с пиратами!

– Я рада, что тебе понравилось.

Ей действительно было приятно от того, что она сумела угадать то, что Майклу придется по душе. Мария Вильсон еще не сталкивалась, как Генри, с моей истинной личностью, но как женщина, интуитивно чувствовала, что со мною что-то не то, и почему временами поступки шестнадцатилетнего подростка отдают опытом и хладнокровием взрослого мужчины. У нее даже появилась мысль, что у Майкла может быть психическое заболевание вроде раздвоения личности, и уже совсем собралась сходить проконсультироваться к врачу, но, переговорив с мужем, который посоветовал выкинуть эту ерунду из головы, решила все оставить, как есть.

Наконец наступил день нашего отъезда. Заграничные паспорта со всеми визами были получены, вещи собраны. В последние два дня перед отъездом волнение супругов было на-

столько явным, что бросалось в глаза. Мария места себе не находила, а прислуга ходила с заплаканными глазами. Супружескую пару можно было понять, ведь они, по сути, бросали все, начиная жизнь с нового листа. Причина резких перемен всегда была сложна и неоднородна, хотя здесь, несомненно, в ее основе лежала смерть их сына.

Думаю, все сложилось спонтанно, при сочетании сразу нескольких факторов: желание Марии уехать на время, любовь Генри к жене и желание президента послать кого-нибудь в Испанию. Сенатор не говорил, чем он будет заниматься в Испании, но, судя по его некоторым словам, догадаться было несложно. Обоих, сенатора Вильсона и генерала Франко, объединяли дружеские отношения и нелюбовь к коммунистам, а длительный срок пребывания говорил о том, что сенатор, скорее всего, станет постоянным представителем Соединенных Штатов при диктаторе Франко.

В отличие от супругов, у меня не было причин для волнения, кроме некоторого сомнения по поводу провоза оружия через границу советской России, так как, уезжая из Лас-Вегаса, я прихватил с собой карманный кольт с тремя запасными обоймами и два метательных ножа. Те сведения о пересечении границы, что я смог получить, имели довольно сомнительный характер. О советской таможне мне рассказал Генри, имевший беседу с журналистом, который побывал в Советском Союзе два года назад.

«Если принять за правду слова журналиста, то таможни,

в понимании этого слова, там нет. Вот только прошло два года, и мало ли что там могло измениться. Так как провозить арсенал: на себе или в багаже?»

Я не сильно волновался по этому поводу, но подвести Вильсонов мне очень не хотелось, поэтому остановился на багаже, при этом взял только кольт с запасной обоймой, а все остальное спрятал в своей комнате.

Мы вылетели из Нью-Йоркского аэропорта вместе с официальной делегацией на четырёхмоторном авиалайнере «Боинг 377 “Стратокрузер”». Еще год назад, как рассказал нам один из пассажиров-делегатов, перелет до Стокгольма осуществлялся с двумя посадками, а теперь у современных самолетов возросла дальность полета, и теперь океан пересекался только с одной посадкой для дозаправки.

Уже в самолете выяснилось, что делегация неоднородна, а состоит из двух отдельных групп. Одна группа, состоявшая из четырех сенаторов и нескольких чиновников из Министерства финансов, летела для улаживания с правительством Советского Союза оплаты долга по ленд-лизу. Вторая состояла из чиновников от киноиндустрии и трех юристов-консультантов. Они должны были решить вопрос об отчислениях от проката фильмов, которые показывали в кинотеатрах Союза, невзирая на отсутствие лицензии от правообладателей. Так как у четы Вильсонов нашлись знакомые в обеих группах, что меня ничуть не удивило, я оказался в курсе обе-

их проблем, но если про ленд-лиз мне доводилось слышать раньше, то о претензиях Америки к советской России по поводу фильмов услышал впервые.

Оказалось, что советская армия вывезла из Берлина, в 1945 году, весь государственный киноархив Третьего рейха, в котором были тысячи фильмов из разных стран. Сейчас немецкие, американские и европейские фильмы шли в прокате во всех кинотеатрах Советского Союза. Год назад американцы уже предлагали советскому правительству купить двадцать голливудских картин, среди которых были как новые картины, так и имевшиеся в трофейном архиве Советского Союза, за один миллион долларов, но получили заулированный отказ. Спустя какое-то время американцы узнали, что ко всем фильмам из Рейхфильмархива советская власть стала добавлять вступительный титр: «Этот фильм взят в качестве трофея...», они решили послать новую комиссию для того, чтобы окончательно решить вопрос о нарушении авторских прав и об отчислениях за прокат американских фильмов.

«Не знал. Оказывается, коммунисты были еще теми жуликами, которые свое не упустят и чужое не отдадут».

Перелет прошел хорошо, и мы приземлились в аэропорту Стокгольма в назначенное время. В столице Швеции мне доводилось бывать раньше, поэтому, гуляя по историческому центру города, должен был признать, что он практически не изменился. Покатались в столичном метро. Этот новый вид

городского транспорта совсем недавно появился у шведов. Новый перелет, и мы прилетели в Финляндию. В отличие от столицы Швеции, в Хельсинки я никогда не был. Вот только, к сожалению, короткий световой день и ограниченное время не дали толком рассмотреть город, так как рано утром следующего дня, вместе с обеими делегациями, мы вылетели в Москву. Судя по рассказам членов делегации, которым доводилось бывать в коммунистической России раньше, мне стало понятно, что этот спецрейс настоящее благо, иначе мы бы предельно измучились, так как аэропорты и самолеты советской России не имеют понятия о слове «удобство».

В аэропорту наш багаж не досматривали, наверно потому, что это был спецрейс. Нас встретили сотрудник американского посольства и два советских чиновника из Министерства иностранных дел, которые сразу проводили нас в зал ожидания, где нам пришлось ждать, пока наши вещи загрузят в автобус, который прислали за нами. Вместе с представителями властей нас поприветствовал настоящий русский мороз, который заставил чертыхаться и кутаться в одежду всех американцев без исключения.

Автобус имел чистенький салон, аккуратно одетого шофера и занавески на окнах. Рассевшись, мы заняли только треть салона. Взревел мотор, и мы поехали. Отодвинув занавеску, я стал смотреть в окно.

«Вот я и приехал на родину», – подумал я, но чувства радости и теплоты, которые обычно испытывает каждый чело-

век после долгого отсутствия, так и не ощутил. Вместо чувства возвращения домой у меня появилось ощущение, что я снова оказался в чужом мне времени. Немного подумав, я решил, что это просто защитная реакция мозга, как тогда, когда впервые осознал, что нахожусь не только в Америке, но и в другом времени.

Я смотрел на снег, искрящийся на солнце, на дома, похожие на бараки, на окраине Москвы, которые по мере продвижения автобуса к центру менялись на каменные и величественные здания, на идущих по улице людей и снова невольно поймал себя на желании почувствовать себя своим.

«Что ты, собственно, хотел? – наконец разозлился я сам на себя. – Услышать русскую речь и почувствовать себя на родине? Это раньше, в той жизни, было возможно. Да и сейчас ты для них кто? Американец, который приехал из страны дяди Сэма – классового врага коммунизма, так что считай, что ты снова в чужой стране, с новым заданием».

Странно, но эти хаотичные и несуразные доводы не только смяли внезапный душевный разлад, но и привели меня в чувство. Я снова стал тем, кем был всегда – оперативником, профессионалом, человеком с тысячей лиц, как однажды образно выразился один мой китайский коллега о шпионах.

Начинало темнеть. На улицах транспорта было немного, в отличие от людей, которые шли потоком. Москвичи заходили и выходили из метро, из маршрутных автобусов и магази-

нов, стояли в очередях к киоскам, на которых висели вывески: «Газеты. Журналы», «Табак», «Пиво». Были такие, кто, несмотря на мороз, стоял у щитов, где за стеклом висели газеты. Мимолетно ухватил глазом двух человек, мужчину и женщину, стоявших у киоска «Мосгорсправка». Чуть усмехнулся, глядя, как у метро, несмотря на мороз, продавщицы, зазывая покупателей, торгуют пирожками и мороженым.

Пока мы ехали по центру, я видел три больших плаката со Сталиным. Там, где он был изображен на фоне народа, была надпись: «Вперед к новым победам социалистического строительства». На двух других рисунках была одна и та же стандартная надпись: «Да здравствует наш вождь и учитель великий Сталин!» В отличие от рекламы крабов, мыла, пива и путевок в крымские санатории, эти плакаты были подсвечены лампочками. Меня, как и других американцев, удивило то, что нигде не было ярких неоновых вывесок заведений и магазинов, а улицы освещал только свет, падающий от фонарей.

Впрочем, меня не столько интересовали вывески и плакаты, сколько люди, идущие по улицам, за окном автобуса. Вот торопливо прошла веселая компания молодежи с коньками в руках, а стайка школьников, в форменных шинелях и с портфелями в руках, остановившись у продавщицы мороженого, принялись считать мелочь. Нетрудно было заметить, что подавляющее большинство из шагающих по улице прохожих были одеты однообразно и небогато. Большинство

мужчин были одеты в серые пальто с набивными плечами и перешитые шинели. На головах шапки-ушанки, а на ногах – ботинки, сапоги и даже валенки. Впрочем, встречались и пошитые в мастерских пальто с бобровыми воротниками и кожаные регланы на меху. У женщин одежда была ярче и более разнообразна, но опять в своем большинстве это были длинные пальто темных цветов, а на голове – платки и пуховые шали.

«Небогато, – подумал я. – С другой стороны, война только как пять лет назад закончилась».

Наш автобус остановился у гостиницы «Метрополь», где нас высадили, так как у делегатов были забронированы номера в гостинице «Москва». Еще по дороге нас предупредили о требовании советских властей о запрещении прямых контактов с местным населением, так как все они должны проходить через официальных представителей власти.

Сотрудник посольства отдельно проинформировал нас о встрече завтра утром с представителем ВОКСа (Всесоюзное общество по культурным связям), затем вручил визитки с телефонами и адресом американского посольства, а в конце пригласил на торжественный прием в посольство, по случаю приезда американской делегации, на завтрашний вечер.

Выйдя из автобуса, вместе с Генри мы выгрузили багаж. Мария все никак не могла согреться, тряслась от холода, словно осенний лист на резком ветру. Глядя на нее, сам невольно передернул плечами от холода.

«Отвык я от российских морозов, – подумал я, автоматически бросив быстрый взгляд по сторонам, и сразу отметил человека, стоящего возле газетного киоска. В сумерках человека сильно не разглядишь, но согласно обычной логике, на морозе человек, покупая газету, старается не смотреть по сторонам, а побыстрее рассчитаться и идти по своим делам, в этом случае покупатель проявил излишнее внимание, разглядывая нас. Это его и подвело.

«Наружка», – определил я и, подхватив чемоданы, двинулся вслед за парой Вильсонов к освещенному входу в гостиницу.

Швейцар сразу понял, что перед ним иностранцы, почти-тельно распахнул перед нами дверь. Первые слова жены сенатора, стоило нам остановиться у стойки портье, были:

– Это просто какой-то ужас. Тут всегда так холодно?

– Наверно, – ответил я. – Я читал, что тут суровые морозы.

– Почему мы сюда хотя бы весной не поехали? – тяжело вздохнула леди Вильсон, бросив взгляд на мужа.

– Ничего, дорогая. В Испании отогреешься, – добродушно пошутил сенатор, который только что отдал наши документы на оформление.

Пока Вильсоны стояли у стойки, я медленно пошел, оглядываясь по сторонам, изображая любопытного мальчишку. К некоторому моему удивлению, привыкший, что в вестибюле гостиницы постоянно толпится народ, который наводит справки, обсуждает, куда пойти, листает буклеты, здесь та-

кого столпотворения я не увидел. Гости, если и ходили, то от входа к лифту и обратно, и изредка в ресторан, именно поэтому без труда засек еще одного агента, который застыл с задумчивым лицом у стенда с конвертами, значками и открытками, делая вид, что выбирает открытку. Лицо у него было худощавое, обычное, без особых примет, как и положено агенту наружного наблюдения. Одет хорошо. Шапка «пирожок», теплое пальто, брюки, добротные ботинки.

Отель мне понравился. Солидный, с мраморными лестницами, красными коврами и большим позолоченным лифтом. Женщина за стойкой очень хорошо говорила по-английски, только слишком правильно строила фразы, что было довольно странно при ее профессии, так как такое произношение говорило об отсутствии языковой практики. Пока оформлялись документы, я подошел к газетному киоску, какое-то время перебирал газеты и журналы, после чего отобрал пару газет и два журнала, «Огонек» и «Крокодил». Вернувшись с прессой в руках, наткнулся на любопытные взгляды Генри и Марии. Леди Вильсон, отогревшись, ехидно поинтересовалась:

– Майкл, зачем они тебе? Или картинки решил смотреть?
– У меня есть русско-английский словарь, – гордо заявил я. – К тому же, как вы тонко подметили, тетя Мария, тут много картинок.

Процедура оформления документов несколько затянулась, поэтому купленные мною журналы оказались весьма

кстати. Теперь уже мы втроем смотрели картинки и делились впечатлениями. Когда спустя десять минут оформление закончилось, мы с помощью лифта поднялись на четвертый этаж и разошлись по номерам. Мария меня предупредила, что они с Генри устали, поэтому на ужин пойдем рано, а затем они лягут спать. Спустя час мы встретились и вместе спустились вниз, в ресторан, который представлял собой громадный зал, накрытый стеклянным куполом, в центре которого находился большой фонтан с золотыми рыбками. Помещение выглядело роскошно, несмотря на то что в его отделке было излишне много рельефных украшений из гипса и позолоты, но при этом неповторимость ему придавали мраморные колонны, фирменные напольные торшеры и дивной красоты хрустальные люстры. В глубине зала находились возвышение для оркестра и танцевальная площадка. Несмотря на то что мы пришли довольно рано, около половины восьмого, музыканты на сцене уже играли, несколько эмоционально, но при этом в меру мягко и ритмично.

Подошедший к нам официант, неплохо говорящий по-английски, проводил нас к столику. Проходя мимо фонтана, я задержался, с минуту наблюдая за игрой золотых рыбок, а заодно демонстрируя любопытство подростка, завертел головой, оценивая обстановку. Свободных мест в ресторане хватало, посетители заполнили только чуть больше половины зала. Заметил, что на двух свободных столиках стояли картонки с надписью на двух языках «Забронировано». Ниче-

го удивительного в этом не было, для ресторанного веселья было еще слишком рано, поэтому в зале было мало посетителей и относительно тихо. Насколько я мог судить, в основном сидевшие сейчас за столиками посетители жили в отеле и пришли сюда именно поесть.

Вильсоны не стали выбирать блюда из предложенного им меню, а попросили официанта принести настоящую русскую еду. По лицу последнего скользнула легкая, почти незаметная, ухмылка, говорившая о том, что подобные просьбы ему не в новинку. Из предложенного алкоголя Генри заказал для себя сто пятьдесят граммов хорошей русской водки, а для жены – бутылку грузинского вина, которое любит Сталин. Мне сразу стало интересно, что принесет нам официант и как на это отреагируют Вильсоны. Скоро на столе стоял графинчик с водкой, бутылка вина и холодные закуски. Большая салатница с черной икрой, заливной судак и пирожки с мясом. Сенатор, до этого никогда не пивший водку, опрокинув стопку, скривился и сразу откусил от бутерброда с черной икрой. Прожевав, сообщил о впечатлении:

– Какая-то резкая и грубая эта водка. Как ее... А, «Столичная»!

Я налил нам с Марией по бокалу «Хванчкары». В отличие от алкоголя, который Вильсонам не понравился, икра, заливная рыба и маленькие пирожки с мясом им пришлись по вкусу. Для меня закуски не являлись какой-то диковинкой, поэтому просто уминал их за обе щеки, получая удовольствие.

Какое-то время мы сидели, закусывали и осматривались, а тем временем зал стал постепенно заполняться народом. За столик, где до этого стояла картонка с надписью «Забронировано», сели два офицера, в звании полковников, со своими дамами. Через два столика от нас село четверо мужчин. Судя по раскованности и громким голосам, это были наши соотечественники, американские журналисты. Вот прошел мимо нас хорошо и модно одетый товарищ с дамой под ручку. Эта ухоженная пара привлекла внимание даже миссис Вильсон, которая проводила их удивленным взглядом, но меня больше поразил официант, который прямо лебезил перед гостями, чуть ли не кланяясь в пояс. Посадив посетителей за двухместный столик у стены, он не стал давать им меню, а просто достал блокнот и карандаш, после чего застыл в ожидании заказа.

«Дипломат или торгош, – отметил я для себя. – Хотя, судя по официанту, он здесь завсегдатай, а значит, просто часто гоняет за рубеж. Точно, торгош».

К тому моменту, когда нам принесли горячее, а по моим часам прошло сорок минут, зал был практически полон. Вильсоны с интересом рассматривали посетителей ресторана, негромко делясь впечатлениями.

- Майкл, как тебе тут? – поинтересовалась у меня Мария.
- Вкусно, – прочавкал я, дожевывая пирожок.
- Я хотела спросить: как тебе русские?
- Люди как люди. А когда нам горячее подадут?

– Дождались. Официант уже несет, – ответил мне Генри.

Поставив перед нами бифштексы с жареным картофелем и большую тарелку с ассорти, состоящим из маринованных грибов, соленых огурцов и квашеной капусты, официант забрал грязную посуду и спросил:

– Что-то еще будете заказывать?

– Нет. Счет принесите, пожалуйста.

Мария, попробовав закуску, отвергла грибы и соленые овощи, а вот Генри (под остатки водочки) и я (соскучившийся по такой закуске) ели с большим удовольствием.

Оплатив принесенный счет, мы поднялись на свой этаж и разошлись по номерам. Мне очень хотелось погулять по вечерней Москве, но я был вынужден вести себя, как американский подросток, оказавшийся в чужой и враждебной стране. Оставшись в номере, принялся изучать журналы, положив рядом с собой, для маскировки, русско-английский словарь и блокнот, в который записал несколько русских слов. Все это останется здесь, на столе. Номер «Огонька», с которого я начал обзор прессы, был полностью посвящен Ленину в связи с датой его смерти – 21 января. Пробежал глазами пафосный и лощеный текст статей и стихов, посвященных вождю пролетариата, посмотрел на многочисленные фото Ленина, пока не наткнулся на заметку «Многотиражные тиражи ленинских трудов». Меня сразу рассмешила фраза: «В книжный магазин, на Кузнецком мосту, нескончаемой чередой идут люди, которые покупают собрания со-

чинений классиков марксизма-ленинизма В. И. Ленина и И. В. Сталина», но стоило наткнуться на цифры в другой фразе: «С 1920 года по 1950 год в СССР на 77 языках было издано 168 миллионов 761 тысяча экземпляров Сочинений В. И. Ленина», я слегка обалдел.

«Или врут, или на голову больные. На фига столько?»

Дальше шли политически ангажированные статьи по поводу успехов социалистических стран. Следом, в противовес успехам социализма, шла заказная статья, рассказывающая о плохой жизни в капиталистических странах, за ней следовал фельетон, шахматная задача и кроссворд. Закрыв «Огонек», начал листать «Крокодил». Здесь не рисковали критиковать образ жизни в Союзе, зато злой, ядовитой карикатуры на политику и жизнь в зарубежных странах было в достатке. Впрочем, американская пресса в этом отношении ничем не отличалась, там вполне хватало злобных нападок на СССР. Здесь даже анализировать не надо: пресса обеих стран работала на полных оборотах на «холодную» войну, демонизируя противника и тем самым разжигая ненависть между народами.

Пролистал газеты. Внутри все одно и то же: фото и цитаты Сталина, хвалебные статьи социалистическому строю, отчеты передовиков производства и торжественные заседания.

«Капиталистический способ земледелия неизбежно ведет к истощению почвы. В США многие миллионы гектаров доведены до крайнего истощения. Претворяя в жизнь сталин-

ские планы, колхозное крестьянство полностью овладело силами природы в интересах создания изобилия продовольствия, в интересах построения коммунизма, – прочитал я про себя выдержку из статьи об успехах социалистического ведения сельского хозяйства. – Круто завернули. Интересно, американские фермеры об этом знают?»

Просматривая газету дальше, неожиданно для себя наткнулся на статью, где поливали грязью югославского диктатора Тито.

«Он-то чем Сталину не угодил?» – удивленно подумал я, прочитав фразу: «Иосип Броз Тито с его гнусными сатрапами – это банда американских шпионов, убийц и предателей дела социализма».

Кинув просмотренные газеты к журналам, сделал вывод: «Политика. Промывка мозгов. Грубо и наивно, правда, наверно, только для меня».

Встал, походил по номеру, потом включил радиоприемник. Какое-то время крутил настройки, перескакивая с радиостанции на радиостанцию, потом выключил. Проанализировал свое поведение. Вроде все нормально. Мальчишка полистал журналы, послушал радио. Вел себя, как американский подросток, не знающий языка. Впрочем, от меня это не требовало особых усилий, настолько тесно удалось сжиться с ролью американского подростка, хотя подобный анализ своего поведения за день я делал почти ежедневно.

«Интересно, как у ГБ обстоят дела с прослушкой номе-

ров? До видео они пока не доросли, но „уши“ вполне могли поставить. Не думаю, что они могли обставить в этом деле американцев, но лучше перестраховаться».

Достал из чемодана комикс о приключениях какого-то героя, какое-то время пролистывал, дополняя вслух восторженными комментариями, после чего кинул журнал возле своей кровати, разделся и лег спать.

Глава 4

Утром, после завтрака, по настоянию Марии, которой не терпелось увидеть хоть кусочек исторической Москвы, мы решили сделать короткую прогулку, не отходя далеко от отеля. Сначала полюбовались фресками на фасаде «Метрополя», потом дошли до Большого театра, развернулись и пошли обратно в отель, дожидаться советского представителя. Сидя в номере Вильсонов, мы обменивались первыми впечатлениями, когда раздался стук в дверь. Открыв дверь, я увидел стоящих в коридоре двух мужчин. Одному из них, стоявшему впереди, с густой шапкой черных волос, было лет сорок, а судя по цепкости и решительности взгляда, он имел твердый характер. В руках он держал папку. Второй мужчина выглядел лет на двадцать пять, в круглых очках, имел рассеянно-стеснительный вид кабинетного ученого, который непонятно каким образом оказался здесь. Если сравнивать его с коллегой, то можно выразиться так: труба пониже и дым пожиже.

Стоящий первым мужчина, похоже, не ожидал меня здесь увидеть, поэтому несколько промедлил с вопросом:

– Извините, но, если я не ошибаюсь, здесь должны проживать Вильсоны?

«Хорошее произношение», – сразу отметил я.

– Привет, мистер. Вы не ошиблись. Меня зовут Майкл.

Проходите, – я отступил в сторону, сделав приглашающий жест рукой.

Мужчины прошли мимо меня. Закрыв за ними дверь, я пошел следом.

– Михайлов Сергей Ильич. Я представитель Всероссийского общества по культурным связям, – сразу представился мужчина, только войдя в комнату. – Вместе со мной пришел Инокин Викентий Павлович. Он будет вашим переводчиком, если у вас не будет возражений против его кандидатуры.

Генри, в свою очередь, представил нас, после чего предложил гостям сесть. Воспользовавшись моментом, я снова прошелся взглядом по нашим гостям, сравнивая их поведение со своим первым впечатлением. Михайлов держался уверенно и спокойно, а вот переводчик, долговязый мужчина, переступал с ноги на ногу с виноватым видом. Одет он был сравнительно неплохо для обычного гражданина, но явно хуже, чем Михайлов.

– Перед тем как перейти к основному разговору, ради которого мы пришли, мне хотелось бы задать вам один вопрос, мистер Вильсон. Вы не против?

– Не против, – с удивлением в голосе ответил сенатор. – В чем он заключается, господин Михайлов?

– Извините меня за возможную бестактность, господин Вильсон, но нас почему-то не поставили в известность об этом молодом человеке. Кем он вам приходится?

– Племянник. Майкл Валентайн.

– Вопрос решен. Мне только сегодня стало известно, что вы прибыли вместе с официальной делегацией. Теперь я хотел бы знать: вы будете принимать участие в их культурной программе?

Теперь мне стало понятно, почему этот чиновник сам, лично, навестил нас.

– Нет, не будем. Возможно, мы пойдем сегодня вечером на торжественный прием в американское посольство, но даже это пока под вопросом.

На лице Михайлова ничего не изменилось, а вот в его глазах проскользнуло сожаление. Он хотел от нас избавиться. Причины мне были неизвестны, но если отталкиваться от факта, что перед ним не просто турист по имени Генри Вильсон, а крупная политическая фигура, сенатор, богатый и влиятельный человек в своей стране, то любое происшествие, связанное с ним, может мгновенно превратиться в международный скандал, что для него чревато самыми жесткими последствиями. Наверно, не только я, но и сенатор, который прекрасно понял подоплеку этого визита, понял, зачем приехал этот чиновник.

– Хорошо. Теперь перейдем к делу. Нам передали ваши пожелания. Согласно им была составлена ваша культурная программа, но теперь, я так понимаю, нам придется внести в нее кое-какие изменения, учитывая интересы подростка. Или у вас будут какие-то особые предпочтения?

– Может, вы сначала озвучите программу, которую нам приготовили? – с легкой насмешкой поинтересовался Генри.

– Мы сделаем проще, – ответил ему ровным голосом представитель, после чего достал из папки несколько листов бумаги и раздал нам. – Читайте и высказывайте свои пожелания и замечания.

Я бросил взгляд на свой листок. Это был список экскурсий, с перечнем в полтора десятков пунктов, отпечатанный на машинке. Быстро пробежал по нему глазами.

«Экскурсия по городу... Посещение Художественного музея... Пункт № 7. Посещение ВДНХ...»

В ожидании нашей реакции представитель ВОКСа достал из папки несколько цветных буклетов и положил на стол перед миссис Вильсон, затем на свет появился такой же листок с перечнем мероприятий, который он положил перед собой на стол. Поверх его бумаги лег карандаш, один конец которого был красный, а другой синий. Михайлов терпеливо ждал, когда Мария закончит просматривать цветные иллюстрации брошюр. Стоило ей поднять голову, как он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.